

С
и
о
м
а
т

М
о
л
ь
н
о

ХОЛОДНЫЙ СВЕТ УШЕДШИХ

Сиомат Мольно

Холодный свет ушедших

«Автор»

2026

Мольно С.

Холодный свет ушедших / С. Мольно — «Автор», 2026

В мире, где магия давно искоренена и объявлена ересью, в руки тайного следователя по делам потустороннего попадает странная свеча. Её черный воск покрыт неизвестными рунами, перевит узловатым шнуром с медными монетами, а пламя не обжигает — оно светит пронзительно-синим, холодным светом. Легенда гласит, что если зажечь эту свечу в одиночестве, она укажет путь к любой тайне, сожжёт любую ложь, но взамен будет забирать не время, а самую суть жизни того, кто на неё смотрит. Сыщик соглашается на этот ритуал, чтобы раскрыть серию жутких убийств, но вскоре понимает, что монетки на шнуре — не просто украшение. Это якоря, удерживающие древнюю, чудовищную сущность. Пока горит синее пламя — она спит. Как только свеча догорит до конца — пробудится катастрофа.

© Мольно С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Холодный свет ушедших

Глава 1

Глава 1. Холодный огарок

В коридоре городского морга пахло хлоркой и чем-то сладковато-приторным, что всегда прячется под маской чистящих средств в подобных местах. Этот запах въедался в одежду, в кожу, в саму память, и Даниил знал, что будет чувствовать его ещё несколько дней, чем бы ни пытался его перебить. Он сидел на жёстком пластиковом стуле, придвинутом к стене, и сжимал в руках прозрачный полиэтиленовый пакет с личными вещами Алисы. Пальцы подрагивали мелкой, неприятной дрожью, которую он не мог контролировать, сколько ни пытался сжать кулаки. Лицо его при этом оставалось совершенно непроницаемым — застывшая маска, которую он научился носить ещё в те годы, когда работал в убийном отделе и выезжал на места преступлений, где эмоции были непозволительной роскошью.

Он сидел в этой позе уже почти сорок минут, глядя в одну точку на облупившейся краске стены напротив. Время текло странно, рывками, то замирая, то проваливаясь в пустоту. Ему казалось, что весь мир уменьшился до размеров этого коридора с его тусклым светом люминесцентных ламп и мерным гудением холодильных камер где-то за стеной.

Когда дверь кабинета со скрипом отворилась, Даниил медленно поднял голову. На пороге стоял капитан Петров — грузный мужчина лет пятидесяти с лишним, с глубокими залысинами и пожелтевшими от никотина пальцами, которыми он машинально постукивал по косяку. В другой руке Петров держал папку с делом — стандартную картонную обложку, на которой маркером был выведен номер. Тот самый номер, под которым теперь значилась смерть Алисы.

— Даня, — Петров тяжело, по-стариковски опустился на соседний стул, и пластик жалобно скрипнул под его весом. Папку он положил на колени, но не открывал, словно не решаясь приступить к формальностям. Говорил он тихо, с той неестественной, почти ласковой мягкостью, которую сотрудники полиции используют исключительно для разговора с родственниками погибших. — Я всё понимаю. Честно. Понимаю, что момент неподходящий, что тебе сейчас не до бюрократии. Но нам нужно поставить подпись. Закрывать протокол. Иначе процесс не двинется дальше, а тебе, я знаю, сейчас меньше всего хочется, чтобы это тянулось.

Даниил не ответил. Он медленно, словно под водой, перевёл взгляд с лица Петрова на папку, потом на свои руки, всё ещё сжимавшие пакет. В пакете лежали мелочи: расчёска, маленький блокнот в кожаном переплёте, телефон с треснувшим экраном. Обычные вещи, которые ещё вчера были частью живой жизни. Тишина в коридоре нарастала, становилась почти осязаемой, давила на барабанные перепонки.

— Что ты там насочинял, Петров? — наконец спросил Даниил. Голос его прозвучал низко, сипло, как будто он не спал и не пил воды несколько суток. Это был даже не вопрос — это был приговор, озвученный раньше времени. Он знал эту интонацию, он сам использовал её сотни раз, когда разговаривал с подозреваемыми, чья вина ещё не доказана, но уже очевидна.

— Сочинял? — Петров устало вздохнул, стянул очки и принялся протирать стёкла краем рубашки. Этот жест Даниил помнил ещё со времён их совместной работы. Петров всегда так делал, когда не хотел смотреть собеседнику в глаза. — Ты бывший следователь, Даня. Ты сам всё видишь не хуже меня. Протокол осмотра места происшествия, заключение автотехнической экспертизы. Мокрый асфальт после ливня, резкое торможение, машину повело в занос. Боковой удар о столб. Виноватых нет, дорожные условия. Всё чисто.

Даниил резко поднялся. Пластиковый стул с грохотом отлетел назад, ударился о стену и опрокинулся на бок. Звук прокатился по пустому коридору, но Петров даже не вздрогнул, только прикрыл глаза, словно ожидал этого и внутренне приготовился.

— Чисто? — голос Даниила сорвался на шипение. Он шагнул к Петрову и навис над ним, но капитан остался сидеть, тяжело опустив плечи. — Ты мне говоришь «чисто»? В кармане у Алисы лежал ключ. Ты видел его, Петров. Массивный латунный ключ от какого-то старого здания, не от квартиры, не от машины. Зачем ей было ехать на эту разбитую трассу в одиннадцать вечера? Что она там делала? У меня в распоряжении больше суток, и я проверю все записи с камер, которые только можно найти в том районе. Там была ещё одна машина!

Петров не повышал голоса. Он открыл глаза и посмотрел на бывшего коллегу долгим, тяжёлым взглядом человека, который прошёл через десятки таких разговоров и знал каждый их поворот наизусть. Отчаяние родственников, переходящее в ярость. Поиск врага. Отрицание случайности.

— Камеры на том участке не работали, Даня. Ты прекрасно это знаешь. Мы проверили в первую очередь. Шесть месяцев назад их отключили за неуплату обслуживания, висит только муляж. — Петров говорил ровно, без вызова, но и без извинений. — Ещё одна машина — это твоя фантазия. Твоя боль. Ты хочешь найти врага, потому что тебе, умному и опытному сыщику, легче бороться с конкретным противником, чем смириться с пустотой. С тем, что иногда смерть — это просто смерть, глупая и беспощадная. Я видел это сто раз, Даня.

Он выдержал паузу и протянул ему бумаги. Сверху лежала дешёвая шариковая ручка с логотипом какого-то банка.

— Подпиши. Похороны назначены на завтра. Дай душе Алисы покой.

— Дай покой? — Даниил усмехнулся, и усмешка эта вышла кривой, неживой. Он смотрел на ручку, но не брал её. — Ты хоть знаешь, кем она была, Петров? Она была историком. Не просто училкой в школе, а настоящим учёным. Она работала в архивах, которые старше твоего управления на пару сотен лет. Она собиралась реставрировать манускрипты по оккультным практикам для университетского исследовательского центра. Она совала нос туда, куда не надо соваться нормальным людям.

Даниил замолчал, схватившись свободной рукой за затылок, словно пытался удержать мысли, которые разбегались в разные стороны.

— Она рассказывала мне про какой-то Орден, — продолжил он тише, почти шёпотом. — Орден Печатей, кажется. Или Печати. Я думал, это просто её хобби, бредни увлечённого учёного, который слишком глубоко закопался в средневековую мистику. Я слушал её вполуха, понимаешь? Улыбался и кивал, как дурак. А сейчас она мертва на пустой трассе.

— Даня, — Петров наклонился вперёд, и в его голосе прорезалась сталь, которой не было минуту назад. Он перестал быть уставшим другом и снова стал капитаном полиции, облечённым властью и ответственностью. — Послушай меня внимательно. Один раз. У нас нет состава преступления. Нет заявлений. Нет улик. Есть только горем убитый жених, который не хочет принимать реальность. Я закрою это дело сегодня. И если ты будешь продолжать копать, если я услышу, что ты ходишь по свидетелям или пытаешься взлезть в базу камер через старые пароли, я буду вынужден оформить тебе направление на психиатрическое освидетельствование. Я не хочу этого делать, поверь мне. Но ты мне не оставляешь выбора. Ты слышишь меня?

Даниил медленно опустился обратно, поднял опрокинутый стул и сел. В его глазах заплясали холодные огоньки — тот самый опасный блеск, который Петров слишком хорошо помнил по старым допросам. Он взял ручку, сжал её с такой силой, что костяшки пальцев побелели, и размашисто поставил подпись внизу листа. Буквы вышли рваными, злыми.

— Забери, — он отодвинул папку обратно Петрову. — Но знаешь что? Я не успокоюсь. Я возьму отпуск, у меня накопилось больше месяца. И я поеду к тому зданию, от которого этот ключ. К месту, которое она искала. Если там ничего нет — я смирюсь. Признаю, что я псих. Если там есть хоть что-то...

Он поднял взгляд, и Петров на секунду увидел перед собой не потерянного, убитого горем парня, а того самого цепкого оперативника, которого когда-то боялись все преступники в районе. Того, кто мог сутками не спать, раскрывая глухое дело.

— Тогда ты пожалеешь, Петров. Что так быстро подписал. Что не стал слушать.

Петров покачал головой, медленно, устало. Ничего не ответил. Поднялся, кряхтя, забрал папку и молча пошёл по коридору прочь. Его шаги гулко отдавались в пустом пространстве, постепенно затихая. Даниил остался сидеть, глядя в ту же точку на стене, где краска отходила неровными чешуйками.

Той же ночью он сидел в своей пустой квартире. Окна были открыты, но сентябрьский воздух не приносил пролады — только сырость и запах мокрого асфальта, от которого его теперь начинало мутить. Вещи Алисы он разложил на кухонном столе: небольшая кожаная сумка с потёртым ремешком, телефон с трещиной на стекле, деревянная расчёска с парой рыжих волосков, застрявших между зубьями, и маленький блокнот в тёмно-коричневом переплёте, который она всегда носила с собой.

Даниил включил настольную лампу, и жёлтый конус света выхватил из темноты этот натюрморт — остатки чужой жизни, которые теперь принадлежали только ему. Из кармана своих джинсов он вытащил ключ. Тот самый, который не стал отдавать Петрову и о котором вообще не упомянул при официальном опознании вещей. Массивный, латунный, потемневший от времени. На широкой головке была выгравирована змея, пожирающая собственный хвост — уроборос, символ вечности и замкнутого круга.

Он покрутил ключ в пальцах, чувствуя его вес, его холод. Потом его взгляд упал на блокнот. Даниил потянулся к нему, раскрыл где-то на середине. Корявый, летящий почерк Алисы — она всегда писала слишком быстро, словно боялась, что мысль убежит раньше, чем рука успеет её зафиксировать. Страницы были заполнены конспектами, датами, ссылками на какие-то архивы. Он пролистывал их машинально, пока пальцы не наткнулись на лист, который выбыл из общего ряда.

В блокнот был вложен отдельный листок — вырванный откуда-то, неровный по краям. На нём был нарисован эскиз, сделанный углём или мягким карандашом. Даниил поднёс листок ближе к лампе и замер.

На рисунке была изображена свеча.

Толстая, массивная, с неестественно чёрным основанием. Вокруг её нижней части вилась верёвка, на которую были нанизаны маленькие кружки, очень похожие на старинные монеты. По бокам свечи тянулись ряды странных символов — руны, отдалённо напоминавшие те, что он видел у Алисы в книгах по кельтской и скандинавской мифологии. Но главное, что его поразило — цвет пламени. Она нарисовала его ярко-синим. Не жёлтым, не оранжевым, а пронзительно-голубым, холодным, совершенно ненатуральным.

Даниил провёл пальцем по рисунку, ощущая шероховатость бумаги. В груди снова защемило — тупая, знакомая боль, которая приходила волнами. Он закрыл глаза и провалился в воспоминание, яркое и живое, словно оно случилось не месяц назад, а вчера.

Алиса стояла посреди их гостиной, покрасневшая, с горящими глазами. На полу были разбросаны книги, распечатки, какие-то старые карты. Она пританцовывала от возбуждения, размахивая очередной папкой.

— Да-ня! Ты не представляешь! — её голос звенел той особенной искоркой, которая появлялась только в моменты научных открытий. — Смотри, что я откопала в частном архиве Строганова! Это просто невероятно! Свеча, Даня, представляешь? Самая настоящая магическая свеча, описанная ещё в восемнадцатом веке. Вот, смотри на эти символы, они должны светиться, если на них падает свет под определённым углом.

Она сунула ему под нос книгу с иллюстрациями, и Даниил послушно склонился над ней, хотя в тот момент его больше занимала она сама, чем древние картинки.

— «Пепел Последнего Огня», — прочитала она вслух, водя пальцем по строчкам. — Или что-то вроде того, точный перевод варьируется. Говорят, она может сжечь любую ложь. Представляешь? Зажигаешь её — и видишь правду. Настоящую. Без прикрас.

— Или сгораешь сам, — усмехнулся он тогда, потрепав её по голове. Рыжие волосы были мягкими и пахли её шампунем, и этот запах он помнил до сих пор так ясно, словно она только что вышла из душа. — Ты у меня единственная, кто ищет магию в пыльных манускриптах.

Она ткнула его кулаком в плечо.

— А ты у меня единственный, кто ищет преступления там, где их нет. Мы идеальная пара, Даня. Ты — холодный циник, который верит только в улики. Я — горячая искательница, которая верит в невозможное. Мы друг друга уравниваем. Без меня ты бы замёрз. Без тебя я бы сгорела.

Она засмеялась тогда — легко, свободно. Он обнял её и поцеловал в макушку. И ничего не заподозрил.

Даниил открыл глаза. Воспоминание растаяло, оставив после себя холодную пустоту и тошноту, подкатывающую к горлу. Он снова посмотрел на набросок свечи. Свечи, которую она искала. Свечи, от которой у неё горели глаза. Свечи, ключ от которой — или от места её хранения — лежал сейчас в его ладони, тяжёлый и неумолимый, как улика.

Телефон на столе завибрировал, разрывая тишину кухни. Даниил вздрогнул от неожиданности. На экране высветилось имя — «Денис». Он принял вызов, прижав трубку плечом к уху и продолжая разглядывать рисунок.

— Да-а-ан, — голос Дениса звучал встревоженно, но он явно пытался говорить спокойно, как говорят с людьми, стоящими на краю. — Ты как там вообще? Я звонил Петрову, он сказал, что всё прошло, ты подписал. Ты в порядке?

— В порядке? — Даниил хрипло рассмеялся. Смех вышел коротким и совсем не весёлым. — Я сижу в темноте, смотрю на её блокнот и держу в руках ключ. От какой-то старой церкви, или часовни, или я даже не знаю чего. И Петров, старый козёл, просто закрыл дело. Сказал, что камеры не работали и никакой второй машины не было.

— Даня, послушай меня, брат. — Денис говорил медленно, тщательно подбирая слова. Он работал в городском архиве и привык иметь дело с фактами, но сейчас ему приходилось иметь дело с эмоциями, и это давалось ему тяжело. — Петров, возможно, прав. Ты просто ищешь виноватых. Мы все проходим через это — через отрицание, через гнев. Это нормально. Но не надо лезть в её заморочки. Ты же знаешь, она увлекалась странными вещами. Эта смерть — не тайный заговор и не мистический артефакт. Это просто глупая, жестокая случайность. Мокрая дорога. Плохая резина. Ты сам знаешь статистику.

— А если нет? — резко перебил его Даниил. Он встал из-за стола, подошёл к окну и упёрся лбом в холодное стекло. За окном лежал ночной город — цепочки фонарей, мокрые крыши, далёкие огни машин. — Послушай, Денис. В её блокноте лежит рисунок. Свечи. Очень странной свечи, которую она искала последние недели. И я уверен — не спрашивай почему, просто знаю — что ключ, который она носила с собой, открывает именно то место, где эта свеча находится. Или находилась. Зачем ей носить с собой ключ от реликвии, которую она так страстно разыскивала? Зачем ей было ехать на ту трассу? Она что-то нашла, Денис. И кто-то не хотел, чтобы она об этом рассказала.

— Откуда ты вообще знаешь, что она что-то искала? — в голосе Дениса послышалась усталость. — Может, ей этот ключ подарили. Может, она купила его в антикварной лавке как сувенир. У неё было полно странных знакомых среди коллекционеров.

— Потому что она рассказывала мне об этом месяц назад! — Даниил почти крикнул, ударив ладонью по подоконнику. — Она стояла вот здесь, на этом самом месте, и говорила: «Даня, если я найду её, я узнаю правду о том, что случилось с профессором Лебедевым. Я докажу, что он не сошёл с ума, что он видел что-то реальное». Я думал, она перегрелась на

работе, понимаешь? Я отшучивался. Я говорил: «Алиса, тебе нужно в отпуск». А теперь её нет. И в её кармане лежит ключ от той самой истории.

На том конце провода повисла долгая, тяжёлая пауза. Даниил слышал, как Денис дышит, слышал, как тикают часы у него в квартире.

— Даня, — наконец произнёс Денис очень тихо. — Если ты продолжишь копать, ты сойдёшь с ума. Ты и так уже почти там. Посмотри на себя. Ты не спишь, ты почти не ешь, ты разговариваешь со мной так, будто я твой враг. Тебе нужен сон, горячая еда, может быть, успокоительные. А не погоня за призраками из оккультных книжек.

— Может быть, — неожиданно спокойно согласился Даниил. Он закрыл глаза, прижимаясь лбом к стеклу. Холод немного успокаивал. В сжатом кулаке он по-прежнему держал латунный ключ, ощущая, как металл нагревается от его кожи. — Может быть, ты прав. Но я должен проверить. Понимаешь? Должен. Я обещал ей, что буду искать правду. Не на суде, не в полиции — просто правду. Даже если она прячется за старыми запертыми дверями. Если там ничего нет — я успокоюсь. Обращусь к врачу. Сделаю всё, что скажешь. Но я должен туда съездить. Иначе я сойду с ума не когда-нибудь потом, а прямо сейчас. От неизвестности.

Денис вздохнул — длинно, с присвистом.

— Ты идиот, Даня. Настоящий, клинический идиот.

— Знаю, — Даниил впервые за весь вечер улыбнулся, но улыбка вышла кривой и тут же погасла. — Спасибо, что выслушал. Ложись спать. Я завтра позвоню.

— Обещай, что позвонишь.

— Обещаю.

Он сбросил вызов и отшвырнул телефон на диван. Тишина вернулась в комнату, но теперь она казалась другой — не враждебной, а выжидательной. Словно сама квартира затаила дыхание и спрашивала: ну что, ты правда пойдёшь туда?

Даниил опустился на пол, прислонившись спиной к холодной батарее. Он поднёс рисунок свечи к самому свету лампы, так что жёлтый луч просвечивал бумагу насквозь. Угольный набросок синего пламени в этом дрожащем электрическом свете выглядел почти живым — казалось, язычки огня едва заметно колыхнутся.

Он снова посмотрел на ключ. Уроборос на головке тускло блестел. Змея, пожирающая собственный хвост. Бесконечный цикл. Ни начала, ни конца.

— Какая же ты у меня была искательница сокровищ, Алиса, — прошептал он в пустоту комнаты. Его голос прозвучал хрипло и надтреснуто. — Что же ты нашла там, в темноте?

Он сжал ключ в ладони до боли, чувствуя, как острые края впиваются в кожу. Адреналин медленно растекался по телу, смешиваясь с горем в странный, горячий коктейль. Бывший следователь внутри него — тот самый, что когда-то раскручивал самые глухие дела, — уже включил холодный расчёт, уже выстроил в голове последовательность действий.

Завтра он найдет это место. Завтра он подберет ключ к замку, который ведёт в её тайну. И плевать, что скажет Петров. И плевать, что скажет Денис. И плевать на голос разума, который шептал из самой дальней и тёмной части сознания, что некоторые двери лучше не открывать.

Потому что в этом мире, полном лжи, закрытых дел и спрятанных улик, только истина — и, возможно, эта странная чёрная свеча, нарисованная углём на вырванном листе, — способны дать ему ответы. Или догореть вместе с ним.

Даниил выключил лампу. Кухня погрузилась в темноту, и только отблески уличных фонарей дрожали на потолке. Ключ он положил в карман куртки, висевшей на стуле, а рисунок аккуратно сложил и убрал обратно в блокнот.

Спать он не лёг. Знал, что не уснёт. Вместо этого он сел за компьютер и начал искать в интернете всё, что только можно было найти по адресу, записанному на последней странице блокнота Алисы. Адрес вёл в старую, заброшенную часть города, где среди облезлых пяти-

этажек и пустырей прятались руины дореволюционной часовни. И где, если верить пометкам Алисы, находилось то, что она искала последние недели своей жизни.

Глава 2. Ящик из прошлого

Даниил не спал всю ночь. Он несколько раз пытался лечь — сначала на диван, потом на кровать, даже на пол, подстелив плед, — но сон не приходил. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором всплывал рисунок свечи, угольные линии, складывающиеся в руны, и синее пламя, которое Алиса зачем-то сделала центром всей композиции. В конце концов он сдался, сел на пол возле батареи, привалился спиной к холодному ребристому металлу и принялся крутить в пальцах латунный ключ. Уроборос на головке тускло поблёскивал в свете уличного фонаря, проникавшем сквозь незашторенное окно. Змея, поедающая собственный хвост. Бесконечный цикл. Замкнутый круг. Даниил смотрел на неё и думал, что его собственная жизнь теперь выглядит точно так же — бесконечное хождение по кругу из вопросов без ответов.

Телефон на подоконнике показывал 8:47 утра. Солнечный свет уже пробивался сквозь пыльные шторы, рисуя на полу бледные полосы, но в квартире всё ещё царил холодный полумрак, какой бывает только в комнатах, где давно не открывали окон. Даниил сидел, уставившись в одну точку на стене, где отклеился угол обоев, и прокручивал в голове вчерашний разговор с Петровым. Камеры не работали. Второй машины не было. Виновных нет. Закрыто. Подпись поставлена. Дело ушло в архив.

Он знал эту систему изнутри. Знал, как выглядят по-настоящему закрытые дела и как выглядят дела, которые просто списали, потому что так проще. Дело Алисы относилось ко второму типу, и от этого было особенно горько.

Резкий,дребезжащий звонок в дверь разорвал тишину.

Даниил вздрогнул так сильно, что едва не выронил ключ. Звук был настолько внезапным и громким в мёртвой утренней тишине, что сердце тут же забилось где-то в горле. Он тяжело поднялся, чувствуя, как затекли ноги от долгого сидения на жёстком полу, и, пошатываясь, пошёл открывать. В голове мелькнула мысль — может, Петров решил зайти лично, проверить, не натворил ли он глупостей после вчерашнего. Или Денис, всегда слишком ответственный, решил не ждать звонка и приехал сам.

Он отпер замок и открыл дверь.

На пороге стоял курьер. Молодой парень в потёртой синей форме с логотипом одной из частных служб доставки. На голове у него была бейсболка, надвинутая низко, почти на самые глаза, а в руках он держал небольшую, аккуратно запакованную коробку, перевязанную обычной бечёвкой. Коробка была компактной, размером с обувную, но парень держал её двумя руками, словно она весила куда больше, чем можно было предположить по её виду.

— Вы Даниил Андреевич? — курьер сверился с электронным планшетом, бросив быстрый, совершенно равнодушный взгляд на хозяина квартиры. В его голосе не было ни интереса, ни сочувствия — только рутина.

— Да, — хрипло ответил Даниил, не сводя глаз с коробки. Ему показалось или от неё действительно исходил какой-то странный, едва уловимый запах?

— Распишитесь вот здесь. Отправитель: Алиса Вячеславовна. Отправление оформлено три дня назад с пометкой «Вскрыть лично после моего уведомления». — Курьер протянул ему планшет и стилус.

У Даниила перехватило дыхание. Воздух словно вышибло из лёгких. Он медленно, очень медленно поднял руку и взял стилус, но пальцы не слушались, отказывались сжиматься как нужно.

— Что? — прошептал он, глядя на парня. — Вы уверены? Вы ничего не путаете? Алиса Вячеславовна... её нет уже почти месяц. Её похороны назначены на завтра. Этого не может быть.

Курьер впервые оторвал взгляд от планшета и посмотрел на Даниила — но не с сочувствием, а с лёгким раздражением человека, которому мешают выполнить план по доставкам.

— Заказ в системе оформлен и оплачен заранее. Пометка стоит в графе «срочно». Я только доставляю, остальное не моё дело. Вот, распишитесь, пожалуйста, у меня ещё десять адресов до обеда.

Даниил машинально поставил кривую, почти нечитаемую подпись. Курьер сунул ему коробку в руки, кивнул и исчез вниз по лестнице, даже не попрощавшись. Его шаги прогрохотали по ступенькам и стихли где-то на первом этаже.

Даниил захлопнул дверь и прижался к ней спиной. Сердце колотилось так, что отдавало в виски. Коробка в его руках казалась тяжелее, чем должна была быть. Не физически — хотя она и весила прилично, — а как-то иначе. От неё исходила тяжесть, которую он не мог объяснить рационально. И запах — да, теперь он чувствовал его отчётливо. Странная, сложная смесь: сандал, старая пыль, металл и что-то ещё, холодное и острое, что он не мог идентифицировать.

Он осторожно надорвал края упаковки. Под слоем плотной крафтовой бумаги оказалась массивная деревянная шкатулка. Даниил снял остатки обёртки и поднёс находку к свету.

Шкатулка была старой — очень старой, если он хоть что-то понимал в антиквариате. Дерево потемнело от времени, покрылось сетью мелких трещин, но было тщательно отполировано. Крышка крепилась на маленькие латунные петли, а по центру была вырезана гравировка. Даниил поднёс шкатулку ближе к глазам, и его дыхание снова сбилось.

Змея, кусающая свой хвост.

Тот же самый символ, что и на ключе, который он держал в руках всю ночь. Уроборос, вырезанный с той же тщательностью, с теми же мелкими деталями, вплоть до крошечных чешуек на теле змеи.

— Этого не может быть, — повторил он в пустоту, но рука уже сама потянулась к карману джинсов, где лежал ключ. — Не может быть, Алиса.

Он отнёс шкатулку на кухонный стол, смахнув с него вчерашнюю газету и пустую чашку из-под кофе. Чашка со звоном покатилась по полу, но он даже не обратил внимания. Поставил шкатулку в центр стола и склонился над ней.

Замок был старый, витиеватый. Латунная пластина с замочной скважиной, форма которой в точности соответствовала бороздкам на его ключе.

Даниил вытащил ключ из кармана. Пальцы дрожали, и ему пришлось сделать глубокий вдох и задержать дыхание, чтобы унять эту дрожь. Он медленно вставил ключ в скважину. Тот вошёл идеально, без малейшего сопротивления, словно замок только и ждал его.

Щелчок.

Звук был чистым, звонким, и он прокатился по всей квартире, отражаясь от стен. Даниил на секунду замер, а затем осторожно, почти благоговейно поднял крышку.

Изнутри пахло сухим, ледяным воздухом, смешанным с запахом старого воска. Он был таким холодным, что Даниил невольно отдернул голову. На мгновение ему показалось, что из шкатулки выглянула сама зима — не сезон, а состояние, абсолютный холод, который не имеет никакого отношения к погоде за окном.

Он заглянул внутрь и застыл.

На дне шкатулки, аккуратно обложенная чёрным бархатом, лежала она. Свеча.

Это был не рисунок углём на вырванном листе. Не иллюстрация из старой книги. Не фантазия увлечённой исследовательницы. Это было реальное, материальное воплощение той самой мистики, которую Алиса так страстно искала.

Толстый, массивный цилиндр чёрного воска — шириной почти с запястье взрослого мужчины. Он был не гладким, а словно состоял из множества слоёв, наплывающих друг на друга, как на старых церковных свечах. Фитиля сверху видно не было — он прятался внутри чёрной массы, не выступая ни на миллиметр над поверхностью. По бокам, вдоль всей свечи,

тускло поблёскивали глубоко вдавленные руны. Они были выполнены с филигранной точностью, и в их углублениях мерцал какой-то синеватый пигмент, похожий на измельчённое стекло или минеральную крошку. А у самого основания свечи, обматывая её тёмную тушу, вился потёртый медный шнур, на который были нанизаны три монеты. Монеты были старыми, стёртыми, и Даниил не мог разобрать, что на них изображено.

Он протянул руку, чтобы коснуться свечи. Как только его пальцы прикоснулись к прохладному, гладкому воску, по комнате пронёсся низкий гул — едва слышимый, на самой границе восприятия. Монеты на медном шнуре тихо звякнули, соприкоснувшись друг с другом, хотя в комнате не было ни ветра, ни сквозняка, ни какого-либо движения воздуха вообще.

— Чёрт, — выдохнул Даниил и отдёргнул руку, словно обжёгшись.

Но ожога не было. Вместо тепла от места прикосновения по пальцам побежал ледяной ток — волна холода, которая поднялась по кисти, обогнула запястье и медленно растеклась по предплечью, оставляя после себя странное онемение, словно рука затекла. Он потряс кистью, разгоняя это ощущение, и заметил, что кончики пальцев слегка побелели.

В этот момент его взгляд упал на маленькую бумажку, лежавшую под свечой. Она была сложена вчетверо и почти сливалась с чёрным бархатом. Даниил осторожно, стараясь больше не прикасаться к свече, вытащил записку. Развернул.

Почерк Алисы. Её знакомый, быстрый, чуть наклонный почерк с острыми буквами и характерными разрывами в словах, где она отрывала ручку от бумаги. От одного вида этих строк у Даниила перехватило горло, и ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы буквы перестали расплываться перед глазами.

«Даня. Если ты читаешь это — значит, я оказалась права, и они до меня добрались. Я знаю, ты сейчас зол и хочешь найти виновных. Не надо. Просто спрячь это. В ней скрыто гораздо больше, чем я думала. Самая главная её сила — это правда. Но правда не даётся бесплатно. Не вздумай зажигать её в квартире. Ей нужен особый свет и особый воздух. Возьми ключ и блокнот, поезжай по адресу, который я зачеркнула на последней странице. Дом на набережной. Там ты найдёшь убежище. Я верю, что ты сможешь удержать её. Если не сможешь — просто верни всё на место. Ты сильный, Даня. Ты справишься. Прости меня. Твоя Алиса».

Он дочитал. Потом перечитал ещё раз. И ещё.

А потом медленно опустился на колени прямо перед столом, всё ещё сжимая письмо в руке. Глаза защищало от подступающей влаги, но он сдержался — сжал челюсть так сильно, что на скулах заходили желваки, и зажмурился, прогоняя готовые пролиться слёзы. Он не имел права раскисать сейчас. Не тогда, когда она говорила с ним из-за могилы, давая указания, направляя его, доверяя ему.

— Какая же ты дура, Алиса, — прошептал он в пустоту кухни. Голос сорвался, прозвучал хрипло и жалко. — Зачем ты в это влезла? Почему не рассказала мне? Почему я узнаю обо всём из посмертных писем?

Пустота, разумеется, не ответила.

Даниил поднялся с колен, опираясь на край стола. Он снова посмотрел на свечу. Она лежала в своём бархатном гнезде, чёрная, массивная, и на первый взгляд казалась совершенно безобидной — просто кусок воска с несколькими старыми монетами, привязанными на медную нить. Предмет антиквариата, не больше. Но ледяное поле, которое она создавала вокруг себя, говорило об обратном. Он чувствовал его кожей — воздух в кухне стал ощутимо холоднее, хотя батареи работали исправно. И это покалывание статического электричества, висящее в воздухе, словно перед грозой. Оно было почти осязаемым — проведи рукой, и волосы на коже встанут дыбом.

Даниил подошёл к подоконнику и открыл форточку. Холодный сентябрьский воздух ворвался в кухню, смешиваясь с запахом воска и сандала, но ледяное поле вокруг свечи не

исчезло. Она словно существовала в своём собственном климате, не подчиняясь физическим законам.

Его телефон, оставленный на подоконнике, внезапно взорвался трелью звонка. Даниил вздрогнул во второй раз за утро и схватил трубку. На экране высветилось имя «Денис».

Он принял вызов, продолжая смотреть на свечу.

— Даня! — голос Дениса звучал бодро и взволнованно одновременно. Он явно пытался казаться оптимистичным, но за этим оптимизмом пряталось беспокойство. — Ты как там, живой? Едешь уже? Я тут всю ночь думал и решил: давай я с тобой съезжу. Нехорошо тебе одному шариться по старым подвалам в таком состоянии. Я возьму отгул, скажу, что у меня семейные обстоятельства. Вдвоём спокойнее, да и мало ли что.

— Денис, — перебил его Даниил. Он говорил медленно, почти по слогам, словно сам ещё не до конца верил в то, что собирался сказать. — Ты не поверишь. Она прислала мне посылку.

— Что? Кто прислал? — Денис запнулся на полуслове. — Алиса? Ты про Алису сейчас говоришь?

— Да. Про Алису.

— Как «прислала»? — в голосе Дениса прорезалась растерянность, смешанная с тревогой. — Даня, послушай, её нет уже почти месяц. Ты сам это знаешь. Ты вчера был в морге. Ты подписывал документы. Это невозможно. Ты, наверное, перепутал, или это какая-то ошибка доставки. Может, она оформила заказ ещё давно, а отправили только сейчас.

— Я не брежу, — жёстко отрезал Даниил. Он взял письмо со стола и ещё раз пробежал его глазами. — Я держу в руках её письмо. Она отправила посылку три дня назад. Три дня, Денис. К тому моменту её уже не было в живых почти месяц. Она оформила отложенную доставку и написала: «Если ты читаешь это — значит, они до меня добрались». Понимаешь, что это значит? Она знала, что умрёт. Она не попала в аварию. Её убили. Её убрали из-за этого артефакта.

На том конце провода повисла глухая, ватная тишина. Даниил слышал только тяжёлое дыхание друга и далёкий гул уличного движения у Дениса за окном.

— Охренеть, — выдохнул Денис наконец. В этом слове не было ни пафоса, ни драматизма — только искреннее, ошеломлённое непонимание. — И что там, в посылке?

— Свеча. Та самая, которую она рисовала в блокноте. Чёрная, толстая, вся в рунах, с монетами на шнуре. В точности как на рисунке. — Даниил замолчал, прислушиваясь. Ему снова показалось, что за стеной, в коридоре, кто-то остановился. Или скрипнула половица у соседей сверху. Он понизил голос. — И письмо. Она просит меня не зажигать её здесь, в квартире. Говорит, что нужно ехать в какой-то старый дом на набережной. Там, по её словам, убежище. Там «особый свет и особый воздух».

— Старый дом на набережной? — Денис задумался. — Это же промышленный район, Даня. Там почти всё снесли под новую застройку. Я помню, у нас в архиве были запросы по тем кварталам — Строганов выкупил там почти всю землю под свои девелоперские проекты. Осталось пара домов, признанных историческим наследием. Если Алиса имела в виду один из них... Даня, может, ну его? Позвони Петрову. Расскажи про посылку. Пусть они сами разбираются.

— Петров вчера закрыл дело и пригрозил отправить меня на психиатрическое освидетельствование. Если я сейчас приду к нему с рассказом о магической свече и посмертном письме, он не станет слушать — вызовет санитаров сразу. Ты же знаешь эту систему.

— Знаю, — нехотя согласился Денис. — Но и лезть одному в заброшенный дом с какой-то оккультной хренью — это самоубийство.

— Я не полезу сразу внутрь, — Даниил взял свечу из шкатулки и осторожно переложил её на стол, стараясь больше не касаться воска голой кожей. — Я для начала просто съезжу туда.

Посмотрю. Оценю обстановку. Если там ничего нет — вернусь и позвоню Петрову. Если есть... тогда будем думать дальше.

В трубке послышался тяжёлый вздох.

— Ладно, брат. Ты упёртый баран, и я знаю, что спорить с тобой бесполезно. Я пытался. Но если что — я на связи, в любое время дня и ночи. Ты понял? В любое. И запиши мой номер ещё раз, на бумажке, в карман положи. На случай, если телефон сядет. Ты куда именно едешь? Какой адрес?

Даниил взял блокнот Алисы и пролистал до последней страницы. Там, в самом низу, мелким почерком был записан адрес, а потом густо зачёркнут — так, что буквы едва читались сквозь чернильные полосы.

— Набережная реки, дом четырнадцать. Это в районе старой текстильной фабрики.

— Четырнадцатый? — Денис присвистнул. — Я знаю этот дом. Он стоит на балансе города как объект культурного наследия, но уже лет десять как заброшен. Там внутри всё гнилое, перекрытия могут рухнуть в любой момент. Даня, будь осторожен.

— Буду. Обещаю.

— Ты вчера тоже обещал позвонить и не позвонил, между прочим.

— Сегодня позвоню. Когда вернусь. Всё, Денис, мне пора.

Он сбросил вызов, не дожидаясь ответа, и положил телефон на стол. Потом снова посмотрел на свечу. Она лежала на кухонном столе, чёрная и неподвижная, но Даниилу на мгновение показалось, что она смотрит на него в ответ. Не глазами — у неё не было глаз. Но само её присутствие в комнате ощущалось как чьё-то молчаливое внимание. Как будто кто-то невидимый стоял у него за спиной и терпеливо ждал, когда он примет решение.

Пластиковые шторы на кухне слегка колыхнулись, хотя форточку он уже закрыл. Лампочка под потолком на миг моргнула, и свет стал тусклее, с желтоватым оттенком. Даниил перевёл взгляд на электрический счётчик, но тот работал ровно, без скачков напряжения.

Он убрал свечу обратно в шкатулку. Та легла в бархатное углубление идеально — видно было, что шкатулку делали специально под неё. Крышка закрылась с тем же чистым щелчком, что и открылась. Даниил повернул ключ в замке и убрал его в карман джинсов, поближе к телу.

Затем он подошёл к вешалке в прихожей, снял свою старую чёрную куртку, проверил карманы — бумажник, телефон, ключи от машины. Блокнот Алисы он сунул во внутренний карман, поближе к сердцу. Шкатулку взял под мышку — она была тяжёлой, но нести её было удобно, она словно сама ложилась в руку.

Он уже взялся за ручку входной двери, когда что-то заставило его остановиться. Какое-то смутное, неоформленное чувство — то ли интуиция бывшего оперативника, то ли обычная паранойя, разросшаяся за последние дни. Даниил прильнул к дверному глазку и посмотрел в искажённый линзой коридор.

На лестничной клетке никого не было. Тусклый свет подъездной лампочки освещал облезлые стены и почтовые ящики соседей. Ни движения, ни теней.

И всё же ему показалось, что за дверью кто-то затаил дыхание.

Он постоял так ещё несколько секунд, вслушиваясь в тишину подъезда. Тишина была полной — ни шагов, ни голосов, ни звука лифта. Слишком полной для многоквартирного дома в утренний час.

Даниил медленно выдохнул и отпер замок.

— Я иду, Алиса, — прошептал он, глядя на дверь. — И я найду их. Даже если мне придётся сжечь всё дотла.

Он распахнул дверь и шагнул в сумрачный подъезд. За спиной у него осталась пустая квартира с незакрытой форточкой, разбросанными вещами и холодным воздухом, который всё ещё пах сандалом и старым воском. Впереди лежал город, старый дом на набережной, тайна,

за которую заплатили жизнью, и первый большой шаг в кошмар, о масштабах которого он пока не имел ни малейшего представления.

Глава 3. Синее пламя

Старый дом на набережной действительно выглядел так, будто его забыло само время. Даниил вышел из такси на пустынной набережной, где свинцовая вода канала лениво билась о замшелые бетонные плиты, и несколько секунд просто стоял, задрав голову и разглядывая здание. Оно было массивным, сложенным из серого кирпича, который когда-то, возможно, был красным, но десятилетия заводской копоти и речных туманов превратили его в нечто тусклое, бесцветное, почти траурное. Четыре этажа, высокие окна с остатками деревянных рам, местами заколоченные фанерой, местами зияющие пустыми провалами. Крыша просела в нескольких местах, а водосточные трубы, давно проржавевшие, отходили от стен и болтались на ветру с тихим, заунывным скрипом. Вокруг не было ни души. Лишь ржавые остовы каких-то старых машин, наполовину вросшие в землю за полосой сухого бурьяна, да заросли крапивы, пробивающейся сквозь трещины в асфальте.

Водитель такси, хмурый мужик лет пятидесяти с усталыми, красными от недосыпа глазами, не торопился уезжать. Он высунулся из окна, оценивающе оглядел дом, потом перевёл взгляд на Даниила и неодобрительно покачал головой.

— Слышь, парень, ты уверен, что тебе сюда? — спросил он хриплым прокуренным голосом. — Тут уже лет пять, а то и больше, как жилого нет. Я раньше на текстильную фабрику грузы возил, так мимо этого дома всегда проезжал. Он пустой, и внутри всё гнилое. За забором вообще пустырь и свалки, бомжи даже не ночуют — говорят, место дурное. Может, ошиблись адресом?

— Не ошибся, — коротко бросил Даниил, протягивая купюру. Он старался говорить спокойно, но голос всё равно прозвучал глухо, напряжённо. Шкатулку он прижимал к себе локтем, и её тяжесть ощущалась всё отчётливее, словно с каждым шагом она становилась весомее. — Сдачи не надо.

Водитель взял деньги, ещё раз с сомнением посмотрел на мрачное здание, на одинокую фигуру Даниила, стоящего на пустыре под пронизывающим ветром, потом пожал плечами с тем философским равнодушием, которое вырабатывается у людей его профессии за годы общения с самыми разными пассажирами.

— Ну, хозяин — барин. Бывай, парень. Если что — тут связи нет почти, это мёртвая зона. Так что аккуратнее там.

Такси развернулось, подняв облако серой пыли, и укатило обратно в сторону жилых кварталов. Даниил остался один. Звонящая, гнетущая тишина обрушилась на него со всех сторон — только ветер гудел в пустых оконных проёмах, да где-то далеко, на реке, протяжно и тоскливо прогудел буксир. Небо над головой было низким, затянутым плотной сентябрьской облачностью, сквозь которую солнце не пробивалось, а лишь угадывалось размытым светлым пятном. Было промозгло, ветер дул с реки, пронизывая куртку насквозь и заставляя ёжиться.

Даниил подошёл к массивным ржавым воротам, которые когда-то, видимо, закрывали въезд во внутренний двор. Они покосились и заросли диким плющом, но держались ещё крепко. Рядом с воротами, в кирпичной стене, темнел узкий проём — калитка, которую удерживали на месте только петли и тяжёлый засов. На засове висел массивный замок, старый, покрытый зеленоватым налётом окисления. Даниил вытащил из кармана латунный ключ с уроборосом и присел перед замком.

Ключ вошёл в скважину с тем же идеальным, почти неестественным совпадением, что и в замок шкатулки. Даниил повернул его, и замок с сухим, скрежещающим хрустом открылся — видно было, что его не тревожили очень давно, может быть, не один десяток лет. Или тревожили совсем недавно, а скрежет был обманчивым. Эта мысль заставила его на секунду замереть и прислушаться, но за стеной было тихо.

Он толкнул калитку. Та подалась с протяжным стоном, и Даниил шагнул внутрь.

Внутренний двор встретил его запахом сырости, плесени и старой пыли — тем особым, ни с чем не сравнимым запахом заброшенных зданий, в которые годами не ступала нога человека. Под ногами захрустели осколки битого стекла и осыпавшаяся с фасада штукатурка. Свет, проникавший сквозь проломы в крыше и выбитые окна, едва освещал просторный вестибюль с остатками колонн и провалившимся местами полом. В дальнем углу, возле покосившейся лестницы, ведущей наверх, валялась груда мебельных щитов и какого-то строительного мусора.

Даниил включил фонарик на телефоне и медленно двинулся вперёд. Луч выхватывал из темноты детали: облезлые стены с остатками штукатурки, ржавые трубы, свисающие с потолка, пустые дверные проёмы, за которыми угадывались тёмные комнаты. На втором этаже, куда вела лестница с чугунными перилами, было светлее — там окна сохранились хуже, и дневной свет проникал свободнее, — но именно там, в конце короткого коридора, он заметил то, что искал.

Деревянная дверь, заваленная мебельными щитами и какими-то ящиками. Над ней, прямо на кирпичной стене, ржавой краской — или чем-то, что очень походило на засохшую кровь в тусклом свете фонарика, — был нарисован уже знакомый символ. Змея, пожирающая собственный хвост. Та же, что на ключе. Та же, что на шкатулке. Та же, что мерещилась ему теперь повсюду.

Даниил отодвинул щиты в сторону, стараясь производить как можно меньше шума, хотя вокруг всё равно никого не было. По крайней мере, никого видимого. За дверью обнаружился узкий, крутой лестничный спуск, уходящий вниз, в абсолютную черноту. Ступени были каменными, стёртыми посередине, словно по ним часто ходили — очень давно, но ходили.

Он начал спускаться. Каждый шаг отдавался гулким эхом в тесном пространстве лестничной клетки. Воздух становился всё холоднее и плотнее, запах пыли сменялся чем-то другим — смесью старого воска, сухих трав и металла. Тот самый запах, который он почувствовал, когда впервые открыл шкатулку.

Подвал, в который он вышел, оказался неожиданно чистым. Совсем не таким, как можно было ожидать от заброшенного дома. Кто-то явно убирался здесь совсем недавно. Пол был подметён, стены побелены — пусть и неровно, пусть и с разводами, но побелены. В центре стоял массивный металлический стол, явно старый, заводского производства, с пятнами ржавчины на углах, но крепкий и устойчивый. Рядом — два стула, тоже старых, но целых. На стене висели стеллажи, сколоченные из грубых досок, и на них рядами стояли книги — толстые фолианты в кожаных переплётах, пыльные свитки, перевязанные бечёвкой, какие-то коробки и шкатулки поменьше. В углу, на отдельной полке, стояла керосиновая лампа с потрескавшимся стеклом.

А посреди стола, в самом его центре, возвышалась массивная деревянная подставка для свечей. Она была грубой, словно её вырезали наспех из цельного куска дерева, но в ней чувствовалась продуманность — углубление в центре в точности соответствовало размерам свечи, которую Даниил держал в шкатулке.

Он подошёл к столу, провёл рукой по его холодной металлической поверхности. Пыли не было — значит, здесь кто-то был совсем недавно. Может быть, несколько дней назад. Может быть, вчера. Может быть, Алиса. Эта мысль обожгла его, и он на секунду зажмурился, отгоняя глупую надежду.

— И ты называла это убежищем? — прошептал он в пустоту подвала, оглядываясь по сторонам. Его голос прозвучал глухо, без эха, словно плотный воздух подполья поглощал звуки.

Он поставил шкатулку на стол, щёлкнул замком и достал чёрную свечу. Она снова показалась ему тяжелее, чем должна быть, словно черпала вес из самой темноты вокруг. Даниил аккуратно, почти благоговейно, поместил её в деревянный держатель. Свеча встала идеально, как будто этого момента ждали долгие годы.

Воздух в подвале был тих и неподвижен. Но сейчас, когда свеча оказалась вне шкатулки, вне защитного бархатного гнезда, пространство вокруг неё словно начало уплотняться. Даниил чувствовал это кожей — давление, какое бывает перед сильной грозой, когда атмосферный фронт ещё не пришёл, но уже давит на виски и закладывает уши. Его руки начали слегка подрагивать, хотя он никогда не считал себя суеверным и уж тем более трусливым человеком. Это был не страх в привычном понимании — скорее, инстинктивное, животное ощущение близости чего-то огромного и чуждого.

«Не вздумай зажигать её в квартире. Ей нужен особый свет и особый воздух», — всплыли в голове слова из записки Алисы.

— Что ж, особого воздуха тут навалом, — вслух усмехнулся Даниил, и его усмешка эхом отразилась от низкого сводчатого потолка. — А свет... видимо, ты говорила о том свете, который даёт она сама.

Он сунул руку в карман куртки и достал зажигалку — старую, потрёпанную, с выгравированной на боку эмблемой полицейского управления, которую он сохранил на память после увольнения. Щёлкнул колёсиком. Маленький жёлтый язычок пламени заплясал в темноте, отражаясь в его расширенных зрачках. Рука не дрожала — он заставил её не дрожать усилием воли, — но сердце колотилось где-то в горле, и каждый удар отдавался в ушах.

Даниил медленно поднёс зажигалку к верхушке чёрной свечи. На мгновение он замер, глядя на тёмный воск, на мерцающие в глубине рун синеватые вкрапления, на медный шнур с монетами, неподвижно висающий у основания.

— Давай, Алиса, — прошептал он. — Посмотрим, что ты нашла.

Он поджёт фитиль.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Обычный оранжевый огонёк от зажигалки лизнул тёмный воск, издавая тихое шипение, какое бывает, когда пламя касается влажной поверхности. Даниил уже собирался убрать зажигалку, решив, что свеча то ли отсырела, то ли вовсе не предназначена для горения, — и тут всё изменилось.

Пламя начало менять цвет. Оно не вспыхнуло резко, не взорвалось — оно плавно, почти грациозно перетекло из оранжевого в бледно-голубой, а затем в пронзительный, холодный циановый, какого Даниил никогда не видел у обычного огня. Это был цвет зимнего неба в ясный день, цвет глубоководного льда, цвет, который не имел никакого отношения к теплу. Свеча загорелась ровным, неестественно ярким синим пламенем, которое почти не колебалось, словно было нарисованным, а не настоящим.

И от неё пошёл холод.

Не прохлада — настоящий, пронизывающий холод, какой бывает на сильном морозе, когда воздух начинает обжигать лёгкие. Даниил инстинктивно отшатнулся, чувствуя, как по рукам побежали мурашки, как волоски на коже встали дыбом. Пламя не давало тепла — оно его поглощало, вытягивало из окружающего пространства, и температура в подвале, казалось, упала сразу на несколько градусов.

А потом засветились руны.

Те самые знаки, выдавленные в чёрном воске, начали наполняться светом изнутри — тем же самым холодным циановым свечением, которое медленно разгоралось в их углублениях, словно по венам тёк жидкий неон. Они пульсировали, то становясь ярче, то почти угасая, и в этом пульсирующем ритме было что-то гипнотическое, завораживающее. Даниил не мог отвести от них взгляд, хотя какая-то часть его сознания кричала, что нужно бежать, бежать немедленно, пока не стало слишком поздно.

Монеты на медном шнуре мелко задрожали, соприкасаясь друг с другом и издавая тихий, печальный звон — не резкий, не металлический, а приглушённый, словно доносящийся откуда-то издалека. Этот звон был похож на перезвон колокольчиков в заброшенной церкви — красивый, но тревожный, наполненный какой-то древней печалью.

— Ох... — выдохнул Даниил, заворожённый зрелищем.

Он стоял, не в силах пошевелиться, и смотрел, как синее пламя танцует на вершине чёрной свечи, как руны переливаются в такт этому танцу, как монеты звенят свою бесконечную погребальную песню. Это было самое прекрасное и самое пугающее зрелище в его жизни. Он чувствовал себя так, словно заглянул в бездну — и бездна заглянула в него в ответ.

А потом в лицо ему ударил порыв ледяного воздуха.

Это не был сквозняк — сквозняку в подвале неоткуда было взяться, да и дул он не от двери, а прямо от свечи, от самого пламени. Порыв был резким, обжигающе холодным, и он принёс с собой запах — запах жжёного воска, сандала и чего-то ещё, неуловимого, похожего на аромат сухих осенних листьев и сырой земли. Вокруг пламени начали закручиваться искры — крошечные синие точки, которые поднимались вверх, к сводчатому потолку подвала, закручиваясь в спираль.

И в центре этого вихря Даниил увидел её.

Это длилось всего секунду — может быть, две. Призрачный, полупрозрачный силуэт Алисы возник в воздухе перед ним, сотканный из синего света и танцующих искр. Она стояла в нескольких шагах, босая, в том самом платье, которое было на ней в их последний совместный вечер, — он помнил его, тёмно-зелёное, с вышивкой по подолу. Её рыжие волосы были распущены и слегка колыхались, хотя ветра вокруг неё не было. Лицо — её живое, любимое лицо с веснушками на переносице — было искажено выражением боли и отчаянной, безмолвной мольбы. Она смотрела прямо на него, и её губы шевелились, пытаясь что-то сказать, но звук не проходил сквозь границу между мирами.

— Алиса! — крикнул Даниил и рванулся вперёд, протягивая руку, чтобы коснуться её, обнять, удержать, не дать исчезнуть снова.

Но как только его ладонь вошла в холодное сияние свечи, видение лопнуло, как мыльный пузырь. Вместо Алисы в голубом пламени возникла совсем другая картина — резкая, чёткая, словно кинопроекция на белой стене. Та самая трасса в ноябрьский дождь. Мокрый асфальт, блестящий в свете фар. Машина Алисы, которую заносит на скользком повороте. И чёрный силуэт второго автомобиля, который стоял на обочине с выключенными огнями, а потом резко сорвался с места и ушёл в темноту. Лицо водителя, освещённое на мгновение светом приборной панели. Мужчина с холодными, ничего не выражающими глазами, с тяжёлой челюстью и коротким ёршиком седых волос.

Даниил успел запомнить это лицо. Врезать его в память, как врезают гвоздь в дерево — намертво, навсегда.

Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Даниил пошатнулся, теряя равновесие, и судорожно схватился за край металлического стола. Голова закружилась так сильно, что на мгновение он перестал понимать, где верх, а где низ. К горлу подкатила тошнота — глубокая, вязкая, словно его отравили. Он тяжело опустился на пыльный стул, стоящий рядом, и сжал голову руками. По спине скатывался холодный пот, пропитывая рубашку под курткой. Дыхание было частым, поверхностным, и ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы не потерять сознание.

Свеча всё ещё горела. Её синее пламя выхватывало из темноты его лицо — осунувшееся, бледное, с проступившими под глазами тенями, которые ещё утром были не такими глубокими. Руны на воске продолжали слабо пульсировать, но теперь их свет казался не завораживающим, а угрожающим.

— Это... работает, — прошептал он, глядя на свои руки. Пальцы дрожали — мелкой, противной дрожью, которую он не мог контролировать. — Ты действительно видела это. Ты видела того ублюдка, который сбил тебя. Видела, как он стоял на обочине и ждал.

Он наклонился ближе к свече, изучая её магическое свечение. Теперь, когда первое потрясение прошло, в нём включился холодный аналитик — тот самый, который когда-то

помогал ему раскрывать самые глухие дела. Он заметил, что пламя не просто горит — оно что-то показывает. Что-то, что скрыто от обычного зрения. И цена за это знание...

Его взгляд упал на одну из монет, висящих на медном шнуре. На её стёртой поверхности проступали какие-то символы — странная дата, выбитая старым шрифтом, и иероглиф, который он не мог распознать. Но пока он смотрел на монету, он вдруг осознал кое-что другое.

Свеча таяла.

Причём таяла она совсем не с той скоростью, с какой должен гореть обычный воск. От верхушки вниз стекала целая волна жидкого чёрного воска, застывая на деревянной подставке причудливыми наплывами. За те несколько минут, что она горела, свеча уменьшилась почти на полсантиметра — абсурдно много для такого короткого времени. Словно пламя не просто жгло воск, а пожирало его, высасывая из материи саму её суть.

И вместе с воском исчезало что-то ещё.

Даниил почувствовал это отчётливо — необычайную слабость, растекающуюся по телу. Мышцы обмякли, стали ватными, словно он не спал несколько суток подряд, а потом ещё пробежал марафон. Перед глазами плыли тёмные пятна, в висках нарастала тупая, пульсирующая боль. Он поднёс руку к лицу и заметил то, от чего внутри всё похолодело: его кожа стала заметно бледнее. Не просто бледной, как у уставшего человека, а какой-то неестественно матовой, почти мраморной, словно из неё вытянули часть жизненного тепла. На указательном пальце, которым он касался свечи, проступила тонкая, едва заметная голубая прожилка — точно такая же, как те, что светились внутри рун.

— Плата... — прошептал он, начиная понимать механику работы артефакта. Слова давались с трудом, язык был тяжёлым и непослушным. — Алиса, ты была права. Правда не даётся бесплатно. Она берёт взамен. Она берёт... что-то моё. Мою энергию. Мою жизнь.

Он смотрел на свечу с новым чувством — смесью ужаса и болезненного восхищения. Это был не просто оккультный артефакт, не просто древняя реликвия. Это был хищник. Изящный, красивый, смертоносный хищник, который давал добыче ровно то, что она хотела, и брал взамен ровно столько, сколько ему было нужно.

Даниил резко дёрнулся вперёд и задул свечу. Пламя исчезло мгновенно, без сопротивления, и подвал погрузился в крошечную, абсолютную тьму. Ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы глаза привыкли к отсутствию света. Тишина вокруг стала звенящей, почти вакуумной — такой глубокой, что он слышал только стук собственного сердца и шум крови в ушах. Свеча перестала светиться, руны погасли, погрузившись обратно в чёрный воск, монеты затихли, повиснув на шнуре неподвижно и безжизненно.

Даниил сидел в темноте, тяжело дыша, и слушал, как постепенно замедляется его пульс. Слабость никуда не ушла, но хотя бы перестала нарастать. Он понял, что с этого момента у него нет пути назад. Алиса была права дважды: эта вещь действительно способна показать правду — самую настоящую, неискажённую, не спрятанную за протоколами и закрытыми делами. Но она была смертельно опасна. Пока свеча горела — несколько минут, не больше, — он потерял часть своей энергии. И странное, гнетущее чувство страха, смешанное с ледяным холодом, всё ещё сидело где-то под сердцем, не желая уходить.

— Я схожу с ума, — прошепелявил он в пустоту, прижимая ладони к вискам. Голова всё ещё кружилась, мысли путались. — Это просто бред. Я не спал почти двое суток, я на грани нервного срыва, у меня галлюцинации от стресса и недосыпа. Этого не может быть. Никакой магии не существует.

Но от реальности было не уйти. В носу всё ещё стоял запах жжёного воска и свежего сандала, холодного и острого. Рука, которой он касался свечи, всё ещё ныла от ледяного прикосновения — тупая, глубинная боль, словно холод проник в самую кость. А перед глазами, стоило их закрыть, снова и снова всплывало лицо того человека в машине — водителя с холодными глазами, который стоял на обочине трассы и смотрел, как машина Алисы уходит в занос.

Даниил знал это лицо. Он не мог вспомнить откуда, но он его знал. Где-то он его уже видел — может быть, в новостях, может быть, в полицейской базе, может быть, просто на улице. Но это лицо существовало в реальности, оно не было плодом воображения.

Он поднялся на ноги, шатаясь. Ноги были ватными, но стоять он мог. Сделав несколько неуверенных шагов, Даниил подошёл к стеллажу с книгами и снял первый попавшийся том — толстый, ветхий фолиант в потрескавшемся кожаном переплёте. От книги пахло пылью, временем и чем-то сладковатым — возможно, старым клеем или чернилами. Он положил фолиант на стол, включил фонарик на телефоне и начал листать страницы.

Текст был на латыни. Даниил немного знал латынь — ровно настолько, чтобы разбирать юридические термины, которые иногда встречались в старых документах, — но здесь требовались более глубокие познания. Впрочем, картинки говорили сами за себя. На одной из страниц он нашёл схематическое изображение свечи — в точности такой же, какая стояла сейчас перед ним на столе. Рядом с изображением шли столбцы текста, испещрённые пометками на полях — чьей-то рукой, более современной, возможно, даже рукой Алисы. Даниил провёл пальцем по одной из пометок: «Пламя — мост. Воск — тело. Души — якоря. Цена — память».

Память. Он прочитал это слово ещё раз. Не жизнь. Не здоровье. Память.

Он перевёл взгляд на свои дрожащие пальцы. Голубая прожилка на указательном пальце стала чуть заметнее — теперь она была не просто точкой, а тонкой линией, поднимающейся от ногтя к первому суставу. И вдруг он осознал, что не может вспомнить номер телефона Дениса. Тот самый номер, который знал наизусть много лет, который сам забивал в память телефона и тысячу раз набирал вручную. Сейчас в голове была пустота — только обрывки цифр, которые никак не складывались в правильную последовательность.

Даниил закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Денис. Его лучший друг. Они знакомы пятнадцать лет. Он должен помнить его номер. Должен. Номер начинался на... на что? Восемь? Девять? Девять-один-три? Или девять-один-семь? Перед глазами плавали цифры, но они не желали собираться в ряд. Даниил открыл глаза и посмотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали.

— Хорошо, Алиса, — прошептал он, сжимая фолиант в руке. Голос его прозвучал глухо, но твёрдо. — Ты хотела, чтобы я докопался до правды. И я докопаюсь. Я найду того, кто это сделал. Я узнаю, что такое Орден Печати. Но сначала я узнаю, как не сгореть дотла, пока я всё это делаю.

Он захлопнул книгу, подняв облачко пыли, и задумчиво посмотрел на потухшую свечу. Чёрный воск тускло поблёскивал в свете фонарика. Руны больше не светились. Монеты висели неподвижно. Свеча выглядела совершенно безобидной — просто старый предмет, случайно сохранившийся с прошлых веков. Но Даниил уже знал правду. Он знал, что прячется внутри этого чёрного цилиндра. Он видел это своими глазами. И он заплатил первую цену.

— И я узнаю, что это за «Орден Печати», — тихо добавил он, обращаясь то ли к свече, то ли к темноте, то ли к самому себе. — Который водится в нашем славном городе. Который убил тебя. Который думает, что может прятаться за деньгами и властью.

За его спиной, в дальнем углу подвала, кто-то тихо скрипнул половицей.

Звук был едва слышным — короткий, сухой скрип, какой издаёт старая доска, когда на неё наступают. Даниил резко обернулся, вскидывая руку с фонариком. Луч света заметался по стенам, выхватывая из темноты стеллажи, старый стул, груды каких-то ящиков. Там было пусто. Лишь тени плясали от дрожащего луча, создавая иллюзию движения.

Но ему показалось — или не показалось? — что в самой глубине подвала, за стеллажами, на мгновение блеснула пара глаз. Стекланных, холодных, совершенно нечеловеческих. Они смотрели на него из темноты не мигая, а затем медленно растворились в крошечной тьме, как будто их и не было.

Даниил стоял неподвижно, сжимая фонарик побелевшими пальцами. Сердце снова заби-лось где-то в горле. Он не верил в призраков. Он не верил в демонов. Но он только что видел призрак своей погибшей невесты в синем пламени магической свечи, и грань между верой и неверием стала очень, очень тонкой.

— Кто здесь? — спросил он в темноту. Голос прозвучал громче, чем он рассчитывал, и эхо заметалось под низкими сводами.

Никто не ответил. Тишина была полной — такой полной, что он слышал, как где-то наверху, в заброшенном доме, ветер шевелит остатки оконных рам. Даниил постоял ещё минуту, вслушиваясь в каждый шорох, а затем медленно опустил фонарик.

Никого. Но он знал — теперь он точно знал, — что свеча, которую он зажёл, уже начала привлекать внимание. Внимание тех, кто её искал. Тех, кто убил Алису. Тех, кто называл себя Орденом Печати.

И они были где-то рядом. Возможно, уже здесь.

Даниил убрал свечу обратно в шкатулку, запер замок и сунул ключ в карман. Фолиант он положил под мышку — нужно будет изучить его подробнее, но не здесь. Не сейчас. Он чувствовал, что оставаться в этом подвале дольше необходимого опасно. Не потому, что за ним кто-то следил — хотя, возможно, и поэтому тоже. А потому, что сама свеча, даже потушенная, источала какую-то незримую волну, маяк, который был виден тем, кто умел смотреть.

Он поднялся по крутой лестнице обратно на второй этаж, прошёл через заваленный мусором вестибюль и вышел через калитку на пустырь. Сентябрьский ветер ударил в лицо, принося с реки запах воды и ржавчины. Даниил глубоко вдохнул, пытаясь очистить лёгкие от подвальной сырости, и быстрым шагом направился прочь от старого дома.

Ему нужно было найти Веронику. Если кто-то в этом городе и мог объяснить, что такое свеча, как она работает и как не умереть, пользуясь ею, — так это она. Но сначала ему нужно было убедиться, что за ним не следят. Потому что глаза, которые он видел в темноте подвала, не были галлюцинацией.

Он знал это так же точно, как знал, что человек, чьё лицо показала ему свеча, — реален. И что он где-то рядом.

Глава 4. Эхо чужой жизни

Даниил выбрался из подвала с огромным трудом. Казалось, что на плечи ему навалили мешок с песком — нет, не просто мешок, а целую бетонную плиту, которая давила на позвоночник, заставляя сгибаться и цепляться за перила. Каждый шаг по крутой каменной лестнице давался с нечеловеческим усилием. Ноги не слушались, колени подгибались, а перед глазами то и дело вспыхивали синие пятна — остаточные образы того, что он видел в пламени. Он сжимал в одной руке шкатулку со свечой, в другой — тяжёлый фолиант, который прихватил с пыльной полки, и чувствовал, как мир вокруг него плывёт, теряя очертания, словно отражение в потревоженной воде.

Когда он наконец выбрался на второй этаж, а затем через заваленный мусором вестибюль вышел на улицу, ему пришлось на несколько секунд остановиться и привалиться плечом к кирпичной стене. Сердце колотилось с переборами, дыхание было частым и поверхностным. Он поднял голову к небу и зажмурился. Солнце всё ещё стояло над горизонтом — был, наверное, уже полдень или чуть позже, — но свет казался ему приглушённым, тусклым, словно он смотрел на мир сквозь толстый слой мутного, грязного стекла. Ветер с реки хлестал по лицу, забирался под куртку, но Даниил почти не чувствовал холода. Его тело будто одеревенело, потеряло чувствительность, как после долгой анестезии, когда заморозка уже проходит, но нормальные ощущения ещё не вернулись.

Он вызвал такси через приложение и стоял на пустыре, ожидая машину, прижимая шкатулку к груди обеими руками. Фолиант он засунул под мышку, и его тяжёлый кожаный переплёт неприятно давил на рёбра. Когда машина наконец подъехала — старая, потрёпанная ино-

марка с побитым крылом, — Даниил буквально рухнул на заднее сиденье, не в силах даже нормально поздороваться.

Водитель, молодой парень в бейсболке, пару раз покосился на него в зеркало заднего вида. Заметил мертвенно-бледное лицо, тёмные круги под глазами, дрожащие руки. Заметил странную шкатулку, которую пассажир прижимал к себе так, словно в ней находилось нечто одновременно бесценное и смертельно опасное.

— С вами всё в порядке? — осторожно спросил он. — Может, в больницу?

— Нет, — хрипло ответил Даниил. — Домой. Я назвал адрес.

Водитель ещё раз покосился на него, пожал плечами и больше не лез с разговорами. Всю дорогу Даниил молчал, прижимая шкатулку к груди и глядя в окно невидящим взглядом. Город проплывал мимо — серые многоэтажки, мокрые от недавнего дождя улицы, редкие прохожие, кутающиеся в куртки от ветра, — но всё это казалось ему декорацией, плоской и ненастоящей. Реальность сосредоточилась в маленьком пространстве между его ладонями, в тяжёлой деревянной шкатулке, внутри которой лежала чёрная свеча с погасшими рунами и неподвижными монетами.

Дома Даниил рухнул на диван, не снимая куртки и даже не разуываясь. Он долго лежал, глядя в потолок и пытаясь прийти в себя. Тошнота, отступившая было на улице, вернулась — теперь она была глубже, вязче, сопровождалась тупой болью в висках и странным ощущением пустоты в голове, словно оттуда что-то вырезали. Он попытался вспомнить, что ел вчера на ужин, и не смог. Попытался вспомнить, какого цвета были глаза у Алисы — карие, зелёные? — и на секунду его охватил ледяной ужас: он не мог точно сказать. Он помнил её лицо в целом, помнил рыжие волосы и веснушки, но детали начинали расплываться, как акварель под дождём.

Он поднял правую руку и поднёс её к глазам. Указательный палец — тот самый, которым он коснулся свечи, — выглядел странно. Голубая прожилка, которую он заметил ещё в подвале, стала заметно толще и ярче. Теперь она была не просто точкой у ногтя — она поднималась от кончика пальца вверх, к ладони, разветвляясь на тонкие нити, похожие на корни какого-то ядовитого растения, пустившего побеги под его кожей. Пульсация в прожилке была ритмичной, но не совпадала с биением его сердца — она жила своей собственной жизнью.

— Чёрт, — выдохнул он, разглядывая руку. Голос прозвучал глухо, словно со стороны. — Что ты со мной сделала, Алиса?

Ответа, разумеется, не последовало. В квартире было тихо — только холодильник гудел на кухне да ветер посвистывал в щелях оконной рамы. Даниил заставил себя подняться с дивана. Это потребовало нескольких попыток — мышцы словно забыли, как работать. Спотыкаясь, он добрался до кухни, включил чайник, но передумал. Вместо чая налил себе кружку ледяной воды из-под крана и выпил залпом, чувствуя, как холод растекается по пищеводу, немного проясняя голову. Потом налил ещё одну и выпил так же, до дна.

Стало чуть легче. Тошнота отступила, пульсация в пальце стала менее заметной. Даниил сел за стол, положил перед собой фолиант, который прихватил из подвала, и открыл его.

Книга была очень старой. Переплёт из потемневшей, почти чёрной кожи, прошитый толстыми нитками, кое-где порвавшимися и заменёнными более поздними, но всё ещё грубыми стежками. Медные застёжки покрылись плотной зелёной патиной и открывались с трудом, издавая сухой скрип. Страницы — толстые, неровные, пожелтевшие от времени — пахли плесенью, сухими травами и чем-то ещё, неуловимым, что напомнило Даниилу запах старых церквей: смесь ладана, воска и вековой пыли.

Текст был написан на нескольких языках. Основной массив — на старославянском, с характерными завитушками и титлами над словами. Но тут и там встречались вкрапления латыни, написанные другим, более поздним почерком — видимо, комментарии или дополнения, сделанные кем-то из последующих владельцев книги. Даниил читал на обоих языках —

старославянский он освоил ещё в университете на юридическом, когда изучал древние своды законов, а латынь знал похуже, но для базового понимания хватало.

На первой же странице он увидел рисунок — точную копию своей свечи. Художник явно знал, что изображает: каждая деталь была выверена, каждая руна прорисована с филигранной точностью. Даже монеты на медном шнуре были изображены так подробно, что можно было разглядеть символы на их стёртых поверхностях. Рядом с рисунком шла надпись, выведенная витиеватыми буквами, от которых веяло какой-то мрачной торжественностью: «Lux Frigida Abitorum». Холодный свет ушедших.

Даниил провёл пальцем по надписи и начал читать.

Книга рассказывала историю свечи — или, точнее, историю того, что было заключено внутри неё. Свеча была создана не как инструмент, а как тюрьма. «Печать Безмолвия» — так её называли те, кто разбирался в подобных вещах. Внутри чёрного воска, внутри рун и медного шнура была заперта сущность, не имеющая имени. В книге её называли просто — «Холод». Не демон в привычном понимании, не злой дух, не падший ангел. Нечто более древнее и менее человеческое. Сила, пожирающая тепло и жизнь. Сила, которая не имела ни цели, ни воли, ни желаний — только голод. Бесконечный, неутолимый голод.

Даниил перелистнул страницу. Здесь шло описание «якорей» — монет, нанизанных на медный шнур. Текст гласил, что каждую монету отливали из особого металла, который впитал кровь добровольной жертвы. Эти жертвы — люди, согласившиеся на ритуал по собственной воле, — «запечатывались» в воск, отдавая свою жизненную силу, чтобы удерживать Холод в спячке. Их души становились якорями, которые не давали сущности вырваться наружу. Чем больше якорей, тем крепче печать. Чем меньше — тем ближе освобождение.

— Значит, эти монеты, — прошептал Даниил, проводя пальцем по изображению шнура с кругляшками, — это души людей. Настоящие души. Люди, которые умерли, чтобы сдержать... это.

Он перевернул страницу. Дальше шло описание побочного эффекта — того, что происходит с человеком, который зажигает свечу. Текст был написан на латыни, но Даниил разбирал его почти без труда — может быть, потому, что каждая строка отзывалась в нём личным, прожитым опытом.

«Всякий, кто возжёт сей свет, должен помнить: пламя высасывает не только телесную силу, но и память. Ибо память есть самая тонкая, самая летучая субстанция человеческой души. Сперва стираются мелочи — запахи, вкусы, имена людей, не связанных с Возжигателем кровными узами. Затем — ближайшие: лица родных, дни рождения, общие воспоминания. А после — и само желание жить, ибо без памяти о прошлом нет стремления к будущему. Ежели позволить огню гореть более одного полного часа, Возжигатель потеряет себя навсегда, став пустой оболочкой, сосудом, готовым принять Холод».

Даниил захлопнул книгу. Звук получился громким, хлётким, как выстрел, и эхо его заметалось по пустой кухне. Он откинулся на спинку стула, прижал ладони к лицу и несколько секунд сидел так, слушая, как колотится сердце. Потом отдёргнул руки и снова посмотрел на шкатулку.

Свеча внутри, уже потухшая, лежала в своём бархатном гнезде, чёрная и неподвижная. Она казалась безобидной — просто кусок воска, старый артефакт, музейный экспонат. Но Даниил уже знал. Он знал, что внутри неё дремлет бездна. И он знал, что уже отдал ей часть себя.

Он снова посмотрел на свою руку. Голубая прожилка пульсировала ровно, ритмично, словно жила своей жизнью. Он попытался вспомнить номер телефона Дениса — и не смог. Знал, что номер был записан в телефоне, знал, что начинался он на девять-один-три или девять-один-семь, но цифры не складывались. Вместо них в голове вертелась мелодия — старая песня, которую они с Денисом слушали в машине лет пять назад, — но без номера.

— Мне нужен кто-то, кто это понимает, — проговорил он вслух. Голос всё ещё был хриплым, но в нём появилась твёрдость. — Кто-то, кто знает, как это остановить. И как использовать это, чтобы найти убийцу.

Он взял телефон и долго листал список контактов. Пальцы всё ещё дрожали, и ему пришлось несколько раз проматывать список вверх-вниз, потому что имена расплывались перед глазами. Наконец он остановился на имени, которое всплыло из разговоров с Алисой.

Вероника.

Алиса упоминала её несколько раз. Бывшая профессор кафедры религиоведения, уволенная за «ненаучные взгляды». Владелица антикварной лавки на набережной Толстого. Женщина, которая знала о старых культах больше, чем кто-либо в городе. Алиса говорила, что Вероника помогала ей с расшифровкой каких-то текстов для университетского исследования — того самого, которое касалось «Пепла Последнего Огня». Тогда Даниил слушал эти рассказы вполуха, не вникая в детали, но сейчас каждая крупинка информации всплывала из глубин памяти, как обломки кораблекрушения.

Он нажал кнопку вызова.

Гудки шли долго — пять, шесть, семь. Даниил уже собирался сбросить, когда на том конце раздался низкий, хриловатый женский голос, в котором слышалась смесь раздражения и усталости.

— Если ты хочешь продать мне бабкину брошь, то я больше не покупаю антиквариат. Если ты хочешь узнать, что происходит с твоей аурой, когда ты не спишь три дня, — я тоже не гадалка и не психотерапевт. Короче, говори быстро, что нужно. У меня клиент, и он не будет ждать.

— Вероника? — Даниил сглотнул, собираясь с мыслями. — Меня зовут Даниил. Я... я жених Алисы. Алисы Вячеславовны. Той самой исторички, которая искала свечу. «Пепел Последнего Огня». Вы ей помогали с текстами.

На том конце провода воцарилась гробовая тишина. Даже фоновый шум — шаги клиентов, приглушённая музыка, — казалось, стих. Даниил слышал только дыхание Вероники — медленное, тяжёлое.

— Что ты сказал? — голос её изменился мгновенно. Исчезла напускная насмешка, исчезла усталая ирония. Теперь он был резким, металлическим, как лезвие ножа. — Повтори.

— Я сказал, что я жених Алисы. И я нашёл свечу. — Даниил посмотрел на свою руку с голубой прожилкой. — Я зажёл её. Полчаса назад. В старом доме на набережной, в подвале. И теперь я чувствую, как она... как она жрёт меня изнутри.

— Ты идиот! — рявкнула Вероника так громко, что Даниил инстинктивно отдёргнул трубку от уха. Её голос сорвался на крик, и он услышал, как в глубине лавки что-то звякнуло — то ли колокольчик на двери, то ли упавший с полки предмет. — Ты хоть понимаешь, что ты наделал?! Никто не зажигает «Холодный свет ушедших» без подготовки! Никто, слышишь?! Это не игрушка, это не сувенир, это не экспонат для твоей коллекции! Ты привязал себя к ней, ты понимаешь это или нет?! Теперь она будет тянуть тебя, пока ты не превратишься в высохшую мумию, пока от тебя не останется пустая оболочка, в которую потом заселится то, что сидит внутри!

— Я знаю, — спокойно ответил Даниил.

Он действительно знал. После прочитанного в фолианте, после увиденного в синем пламени, он знал больше, чем Вероника могла предположить. И это знание странным образом успокаивало его — лучше ужасная правда, чем неизвестность.

— Ты знаешь? — Вероника горько усмехнулась. — Что именно ты знаешь, мальчик? Что прочитал в интернете? Что нашёл в дешёвых книжках по эзотерике?

— Я нашёл книгу в подвале того дома, — перебил её Даниил. — Старый фолиант. На старославянском и латыни. Там говорится о «Печати Безмолвия», о монетах-якорях, о душах,

которые удерживают Холод. И о цене. О памяти. Я уже заплатил первую цену, Вероника. Я не помню номер телефона своего лучшего друга. Я не помню, что я ел вчера на ужин. Я смотрю на свою руку и вижу, как по ней расползается синяя паутина.

В трубке снова повисла тишина. Потом Вероника вздохнула — длинно, с присвистом, как человек, который только что принял трудное решение.

— Ты действительно нашёл книгу, — сказала она уже совсем другим тоном — не злым, не насмешливым, а усталым и почти сочувствующим. — Значит, ты не просто самоубийца-любител. Ты хотя бы попытался разобраться перед тем, как звонить мне.

— Я звоню вам, потому что Алиса доверяла вам. И потому что мне нужна помощь. Я хочу понять, как работают эти монеты. И как погасить свечу правильно — не выпуская наружу то, что внутри. Я не собираюсь умирать, Вероника. По крайней мере, до того, как найду того, кто убил её.

Вероника снова вздохнула. Даниил почти физически ощущал, как она борется с желанием послать его куда подальше — подальше от себя, от своей лавки, от всех проблем, которые он притащил вместе с этой чёртовой свечой. Но любопытство и, возможно, старая привязанность к Алисе — или чувство вины за то, что не уберегла её, — взяли верх.

— Через час, — отрезала она. — Мой магазин на набережной Толстого, дом одиннадцать. Это старый двухэтажный особняк с облезлым фасадом. Вход со двора, там синяя вывеска «Antiqua», её плохо видно с улицы, так что смотри внимательно. Приноси свечу. И книгу приноси. Но запомни, Даниил: не вздумай зажигать её по дороге. Не вздумай зажигать её вообще, пока не окажешься у меня. Ты уже достаточно навредил себе. Одного раза может хватить, чтобы порвать последние нити.

— Я понял.

— Не думаю, что понял. Но это мы обсудим при встрече. Всё, у меня клиент. Через час.

Вероника сбросила вызов, не попрощавшись. Даниил опустил телефон на стол и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на тёмный экран. Потом поднялся, накиннул куртку, проверил карманы — ключ с уроборосом на месте, блокнот Алисы на месте, телефон, бумажник. Шкатулку взял под мышку, фолиант сунул в холщовую сумку, которую нашёл в прихожей, и вышел из квартиры.

Магазин «Antiqua» прятался в лабиринте старых дворов за набережной Толстого. Даниил потратил почти полчаса, чтобы найти его, — пришлось дважды обходить вокруг квартала и спрашивать дорогу у старухи, торгующей цветами у перехода. Старуха долго шурилась, вспоминала, а потом махнула рукой куда-то в сторону арки: «Там, милоч, там. Только странные там люди, я бы на твоём месте не ходила». Даниил поблагодарил и свернул под арку.

Магазин действительно оказался спрятанным от посторонних глаз. Двухэтажный особняк с облезлым фасадом, давно не видавшим ремонта, прижимался к брандмауэру соседнего здания, словно пытаясь стать как можно незаметнее. Вывеска «Antiqua», выцветшая и потрескавшаяся, висела над массивной деревянной дверью, обитой железными полосами. На двери не было ни звонка, ни ручки — только большое металлическое кольцо, какими пользовались в девятнадцатом веке. Даниил потянул за кольцо, и дверь подалась с низким, утробным скрипом.

Внутри магазин напоминал пещеру Аладдина, в которой этот самый Аладдин не убит лет сто. Витрины были заставлены старыми картами с обтрёпанными краями, пыльными глобусами, у которых вместо привычных стран были нарисованы какие-то неведомые континенты, банками с заспиртованными змеями и прочей живностью. На полках, уходящих под самый потолок, громоздились книги в кожаных переплётах, коробки с непонятными этикетками на латыни, черепа каких-то мелких животных и одна большая птичья клетка, накрытая чёрной тканью. Над дверью, как страж, висела подкова с истлевшим оберегом — Даниил узнал в нём староверческий науг от сглаза.

Воздух в магазине был густым от запахов: сандал, табак, старая бумага, сушёные травы и что-то ещё, острое и металлическое, — может быть, кровь летучих мышей или ещё какой-нибудь ингредиент, о котором Даниил предпочёл бы не думать. Освещение было тусклым, приглушённым — горели только несколько ламп под тёмными абажурами и свеча в стеклянном фонаре на прилавке.

За прилавком, опершись на него локтями, стояла женщина. Вероника.

Она оказалась старше, чем Даниил представлял по голосу, — лет сорока трёх или сорока четырёх, с короткой, по-мальчишески стриженной стрижкой, в которой уже серебрились седые пряди. Лицо у неё было острое, с высокими скулами и тонкими губами, а под левым глазом красовался длинный, тонкий шрам, который она явно не пыталась скрывать. Очки в металлической оправе сидели на носу и поблёскивали в свете свечи. Одета она была в тёмную блузку с закатанными рукавами и длинную юбку, поверх которой был повязан не то фартук, не то передник с множеством карманов. В руке она держала тонкую сигарету, дым от которой поднимался к потолку, свиваясь в ленивые кольца.

Она окинула Даниила быстрым, цепким взглядом — с головы до ног — и задержалась на его правой руке, на том самом пальце, где пульсировала голубая прожилка.

— Показывай, — коротко приказала она, не здороваясь. Голос её звучал так же резко, как и по телефону, но теперь в нём слышался ещё и профессиональный интерес.

Даниил молча подошёл к прилавку, поставил шкатулку, щёлкнул замком и открыл крышку. Достал чёрную свечу и поставил её на прилавок, на свободное от бумаг место. В полумраке магазина воск выглядел особенно зловеще — руны отливали тусклой синевой, хотя свеча не горела, и казалось, что внутри них всё ещё теплится какой-то потусторонний свет.

Вероника долго смотрела на свечу, не прикасаясь к ней. Потом медленно, очень медленно протянула руку, чтобы дотронуться до медного шнура, но замерла в двух сантиметрах от него. Её пальцы — длинные, с аккуратным маникюром, но в мелких шрамах и ожогах, — зависли в воздухе, словно она пыталась почувствовать тепло или холод, исходящее от монет.

— Три монеты, — прошептала она. — Три якоря. Господи, я думала, их там минимум пять было.

Она отдёрнула руку и посмотрела на Даниила — теперь в её серых глазах читалась настоящая тревога.

— Когда я изучала описания этой свечи пятнадцать лет назад, в манускриптах упоминалось пять якорей. Пять душ, которые держат печать. Но три... — она покачала головой и затащила сигаретой. — Три — это критический минимум. Если хотя бы одна из этих монет упадёт, печать начнёт разрушаться. Если упадут две — Холод начнёт просачиваться наружу, и ты почувствуешь это задолго до того, как увидишь. А если ты зажжёшь её, не зная об этом, — она выдохнула дым, и он поплыл к потолку сизой пеленой, — Холод прорвётся сквозь оставшиеся якоря после первого же часа горения.

Даниил нахмурился, переваривая услышанное. Он смотрел на три монеты, висящие на медном шнуре, и пытался представить себе людей, чьи души были заперты в этом металле. Добровольные жертвы, как говорилось в книге. Те, кто согласился умереть, чтобы сдержать древнее зло. Кем они были? Когда жили? О чём думали в последний момент?

— А что будет, если они упадут? — спросил он тихо. — Все три?

Вероника подняла на него тяжёлый, мрачный взгляд. Стекло её очков блеснуло, отражая пламя свечи.

— Если они упадут все три, — медленно произнесла она, — ты услышишь крик каждой души, запертой в этом воске. Это не будет крик в твоих ушах — это будет крик внутри твоей головы, Даниил. Тысячи лет молчания, разорванные в одно мгновение. И они поймут, что на свободе больше не будет их жизни, что они проиграли, что их жертва была напрасной. И тогда они начнут бороться. Не за свободу — её им уже не видать. А просто от боли, от ярости,

от отчаяния. И ты, — она ткнула сигаретой в его сторону, — станешь для них дверью. Твоя привязка к свече, вот эта голубая паутина на твоей руке, — это канал. Ты открыл его, когда зажёг пламя. Теперь ты проводник. Если якоря падут, Холод хлынет через тебя.

Даниил посмотрел на свою руку. Голубая прожилка пульсировала в такт его сердцу — или в такт чему-то другому, чему-то внутри свечи.

— Как это остановить? — спросил он.

Вероника затушила сигарету в тяжёлой стеклянной пепельнице, стоящей на краю прилавка, и скрестила руки на груди.

— Слушай меня внимательно, парень, — заговорила она. — Я скажу это один раз. Ты ввязался в смертельную игру. Алиса была гениальным историком, у неё было чутьё на древние артефакты, какого я не встречала ни у кого из коллег. Но она не понимала — или не хотела понимать, — что с этой вещью нельзя играть. Я думала, она испугалась, когда я рассказала ей, что это такое на самом деле. Я надеялась, что она отступится. Но она не отступилась. Она пошла до конца. И теперь её нет.

Вероника замолчала, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на боль — или на старую, застарелую вину.

— Теперь у тебя есть выбор, — продолжила она. — Первый вариант: ты закапываешь эту свечу в землю где-нибудь подальше отсюда. Заливаешь бетоном. Забываешь о ней навсегда. Тогда ты останешься с этой веной на руке и будешь жить как обычный человек. Ты потеряешь часть себя — возможно, значительную часть. Какие-то воспоминания уже не вернутся. Но ты выживешь. Ты сможешь жить дальше. Это не лучший вариант, но он хотя бы оставляет тебе жизнь.

— Или? — перебил её Даниил.

Вероника пристально посмотрела на него. Она явно ожидала, что он выберет первый вариант — самый безопасный, самый разумный. Но в глазах Даниила она увидела что-то другое. Что-то, что было ей слишком хорошо знакомо.

— Или мы попытаемся убрать якоря, — сказала она медленно, взвешивая каждое слово. — Не сейчас. Не сразу. Чтобы это сделать, нам нужно найти оригинальное Гнездо.

— Гнездо?

— Место, где свеча была создана. Ритуальный зал, алтарь — называй как хочешь. В книге, которую ты нашёл, наверняка есть описание. Гнездо — это единственное место, где печать может быть безопасно разрушена. Если мы найдём его и вставим свечу в алтарь, пламя погаснет само. Не нужно будет ничего взламывать, ничего срывать. Души внутри освободятся — не в том смысле, что они выйдут на свободу и начнут бродить по городу, нет. Они просто... уйдут. Погаснут. Перестанут быть якорями. А Холод останется запёртым в воске навсегда.

Даниил молчал, обдумывая услышанное.

— Где это Гнездо? — спросил он наконец.

Вероника взяла с прилавка тонкую папку, пролиستала несколько страниц, испещрённых пометками и схемами.

— По моим данным, это разрушенный храм на окраине города, — ответила она, стряхивая пепел с очередной сигареты. — Его построили в восемнадцатом веке, а в середине двадцатого он сгорел. Сейчас там пустырь и руины. Но под землёй, если верить архивным планам, сохранилась крипта. Подземный зал, который использовался для ритуалов. Вход в него запечатан, и ключ... — она выразительно посмотрела на Даниила, — ключ был у Алисы. Она нашла его в частном архиве Строганова. Он у тебя?

Даниил медленно вытащил из кармана латунный ключ с уроборосом. Вероника посмотрела на него, и на её лице появилась усмешка — кривая, но не злая.

— Молодец, — сказала она. — Ты уже прошёл половину пути. У тебя есть свеча, у тебя есть ключ, у тебя есть книга с описаниями. У тебя есть все инструменты. Но осталась самая сложная часть.

— Какая?

— Выжить. — Вероника сузила глаза и посмотрела на дверь магазина. — И эта часть только начинается.

Даниил проследил за её взглядом. За пыльным стеклом витрины, среди серых сумерек умирающего дня, стоял человек. Мужчина в длинном чёрном плаще с капюшоном, надвинутым низко на лицо. Он не рассматривал витрину, не искал вывеску, не сверялся с адресом. Он стоял совершенно неподвижно и смотрел прямо на Даниила. Сквозь пыльное стекло. Сквозь полумрак лавки. словно точно знал, где тот находится.

В руке неизвестный держал чётки. Крупные, тёмные бусины, нанизанные на толстую нить. Но между бусинами, через равные промежутки, висели маленькие металлические кругляшки. Монеты. Точно такие же медные монеты, как те, что были нанизаны на шнур чёрной свечи.

Вероника быстро затушила сигарету, щёлкнула выключателем, погружая магазин в полную темноту, и схватила Даниила за локоть. Её пальцы были сухими и сильными, как когти птицы.

— Забудь о том, чтобы прятаться, Даниил, — прошипела она ему в самое ухо. Голос её дрожал — не от страха, а от напряжения. — Орден Печати уже знает, что ты зажжёшь её. Понимаешь? Ты зажжёшь свечу, и это как удар в колокол. Они услышали. Они почувствовали. И теперь они идут за тобой. И они не уйдут, пока не получат свечу обратно — или пока ты не сгоришь вместе с ней. Даниил сжал шкатулку обеими руками и снова посмотрел на тёмный силуэт за окном. Человек в плаще не двигался. Он просто стоял и ждал. Голубая прожилка на пальце Даниила запульсировала сильнее, в такт его бешено колотящемуся сердцу, и он почувствовал, как от неё по всей руке разливается холод — тот самый холод, который он ощутил в подвале, когда пламя свечи коснулось его кожи.

— Пусть идут, — прошептал он, и его губы растянулись в холодной, неживой усмешке. — Я и сам собирался их найти.

Глава 5. Рука Ордена

Магазин «Antiqua» погрузился в кромешную, вязкую тьму. Вероника замерла у прилавка, даже не дыша, и в этой внезапной тишине каждый звук стал оглушительно громким. Старые напольные часы в углу продолжали тикать — размеренно, равнодушно, словно отсчитывая секунды, оставшиеся до столкновения. Где-то в глубине лавки, среди заспиртованных банок и пыльных фолиантов, скрипнула половица. Потом ещё одна. Шаги были медленными, тяжёлыми, и они приближались.

Даниил стоял у прилавка, прижимая шкатулку со свечой к груди. Адреналин, который всё ещё гулял по крови после разговора с Вероникой, мгновенно вытеснил остатки слабости и тошноты. Мозг бывшего следователя включился в рабочий режим — холодный, расчётливый, привыкший оценивать обстановку за доли секунды. Он оглядел прилавки в поисках хоть какого-то оружия. Статуэтки, подсвечники, пресс-папье — всё это было недостаточно тяжёлым. Но в углу, на стопке старых бухгалтерских книг, стояла массивная бронзовая сова. Даниил протянул руку, взял её и взвесил на ладони. Килограмма полтора, не меньше. Тяжёлое основание удобно легло в кулак. Хороший кастет, способный проломить височную кость при точном ударе.

— Он зашёл со двора, — прошептала Вероника, почти не разжимая губ. Она кивнула в сторону чёрного хода, который вёл в подсобное помещение. — Там нет замка, только старая щеколда. Я никогда не запирала её — думала, что в этом районе никто не полезет в лавку старьевщицы. Он уже внутри. Я чувствую его.

— Ты прячься за стеллажом, — так же шёпотом, но жёстко приказал Даниил. — Если он пойдёт на меня, я займусь им. А ты вызывай полицию.

— Полицию? — Вероника тихо, нервно усмехнулась. В темноте её лицо казалось вырезанным из белого камня — резкие скулы, горящие глаза, шрам под левым глазом, который сейчас, в полумраке, выглядел особенно глубоким. — Парень, эти люди не боятся полиции. У них связи выше городского управления, выше областного. Ты думаешь, Орден существует веками и не умеет договариваться с властью? Строганов обедает с начальником твоего бывшего отдела раз в месяц. Полиция не придёт. А если придёт — то за нами, а не за ним.

Она не успела договорить. Из подсобки донёсся глухой, протяжный скрежет — кто-то с явным физическим усилием отодвигал тяжёлый стеллаж, заставленный книгами. Металлический лязг — и в дверном проёме, ведущем из подсобки в торговый зал, показалась фигура. Высокая, неестественно худая, закутанная в длинный чёрный плащ с глубоким капюшоном, который полностью скрывал лицо. Фигура двигалась странно — не шагала, а словно скользила над полом, и в её движениях не было той мелкой моторики, которая свойственна живым людям: никаких лишних жестов, никаких поправлений одежды, никаких поворотов головы.

Но Даниил заметил его руки. Они были длинными, с неестественно бледной, почти серой кожей, которая туго обтягивала кости. Пальцы — слишком длинные, с суставами, выпирающими под кожей, как узлы на старой верёвке. В левой руке человек сжимал чётки — те самые, которые Даниил видел сквозь витрину. Крупные тёмные бусины чередовались с медными монетами, и каждая монета тускло поблёскивала, отражая слабый свет уличного фонаря, просачивавшийся сквозь щели в закрытых ставнях. Свет этот был жёлтым, тёплым, но монеты отчего-то отблёскивали холодным, синеватым сиянием — точно таким же, как руны на свече.

Человек шагнул в торговый зал и остановился. Он не оглядывался по сторонам, не изучал обстановку — он точно знал, где находятся Даниил и Вероника. Его голова под капюшоном медленно повернулась в сторону прилавка, и Даниил наконец увидел его лицо.

Точнее, то, что было вместо лица.

Под капюшоном скрывалось нечто, лишь отдалённо напоминавшее человеческие черты. Кожа была не просто бледной — она была полупрозрачной, как старый пергамент, и под ней угадывались тёмные прожилки сосудов, по которым, казалось, текла не кровь, а что-то густое и синеватое. Глаза — вот что поразило Даниила больше всего. У человека не было зрачков. Совсем. Только гладкая, стеклянная поверхность, которая отражала свет, как поверхность замёрзшего озера. Пустые, нечеловеческие, совершенно лишённые какой-либо эмоции или мысли.

Голос его оказался под стать внешности — тихий, скрипучий, словно он не разговаривал годами и теперь с трудом вспоминал, как двигать голосовыми связками, чтобы произносить слова:

— Вы зажгли Печать.

Это был не вопрос. Констатация факта, произнесённая с той же интонацией, с какой говорят о погоде или времени суток.

— Мы чувствуем её зов за три квартала. Даже сейчас, даже потушенная, она кричит. И этот крик слышат все Стражи в городе. — Он снова повернул голову, на этот раз точно фиксируя взгляд на Данииле. Стеклянные глаза блеснули. — Отдай свечу. Сделай это добровольно, и ты уйдёшь. Ты останешься жив. У тебя на руке останется метка, но ты будешь дышать. Откажешься — и мы войдём в тебя через эту метку. Медленно. По частям. Мы заберём твоё тепло, твои воспоминания, твою волю. А потом заберём свечу сами.

Даниил шагнул вперёд, заслоняя собой и шкатулку, и Веронику, которая всё ещё стояла у прилавка. Бронзовая сова удобно лежала в правой руке, и он чувствовал, как мышцы предплечья напрягаются, готовясь к броску.

— Войдёте? — переспросил он, и его голос прозвучал спокойно, даже слишком спокойно для человека, который стоит лицом к лицу с неведомым. — Она не продаётся. И я не привык отдавать то, что принадлежало моей невесте.

Человек не шелохнулся. Его лицо — если это можно было назвать лицом — не выразило ни гнева, ни раздражения, ни удивления.

— Твоя невеста была глупа, — произнёс он тем же скрипучим, лишённым интонаций голосом. — Она тоже пыталась зажечь Печать. Она думала, что сможет увидеть правду и остаться в стороне. Но она не учла, что у свечи есть хозяева. Мы следили за ней с того самого дня, как она взяла в архиве первый манускрипт. Мы видели, как она искала ключ. Мы видели, как она нашла убежище в старом доме. И мы видели, как она умирала на мокрой трассе.

Он сделал короткую паузу — не для эффекта, а словно ему требовалось время, чтобы подобрать следующие слова.

— У тебя есть шанс, которого у неё не было. Просто отдай Печать. Сейчас. Добровольно. И ты проживёшь достаточно долго, чтобы забыть о ней.

Даниил замер. Каждое слово этого существа било точно в цель — в ту самую рану, которая ещё даже не начала затягиваться. Услышать о гибели Алисы из уст того, кто, возможно, стоял на обочине той самой трассы, было невыносимо. Пальцы, сжимавшие бронзовую сову, побелели от напряжения. Голубая прожилка на указательном пальце запульсировала быстрее, и он почувствовал, как от неё по руке расползается холод — тот самый, подвальный, могильный холод, который он ощутил, когда пламя свечи впервые коснулось его кожи.

— Ты её видел? — голос Даниила сорвался на хрип, но он не пытался его контролировать. — Ты был там? Ты стоял на той трассе?

Страж медленно наклонил голову — движение напоминало скорее излом, чем человеческий кивок.

— Я был там, — сказал он всё так же бесстрастно. — Не я убивал. Моя задача — наблюдать. Следить за теми, кто приближается к Печати. Но я видел, как её машину занесло на мокром асфальте. Я видел, как она пыталась вывернуть руль. Я видел удар. И я ничего не сделал. Таков мой долг. Таков наш долг.

В этот момент что-то внутри Даниила сломалось — или, наоборот, встало на место. Холодный расчёт бывшего следователя, который до сих пор удерживал его от необдуманных действий, отступил, уступив место чистой, незамутнённой ярости. Он не стал ждать. Не стал просчитывать варианты. Не стал думать о последствиях. Он сорвался с места, как спринтер на старте, и бросился на Стража, замахиваясь тяжёлой бронзовой статуэткой. Целил в голову, в висок, туда, где у нормального человека должна быть самая уязвимая точка черепа.

Страж отреагировал с неестественной, невозможной для живого существа скоростью. Он не отпрыгнул, не пригнулся — он просто поднял левую руку с чётками, и монеты на них зазвенели. Звук был резким, металлическим, режущим слух, как скрежет гвоздя по стеклу, и в нём слышалась какая-то неестественная, ультразвуковая составляющая, от которой заныли зубы и заложило уши. Воздух вокруг Даниила внезапно стал густым, вязким, ледяным — как будто он на бегу врезался в невидимую стену из замороженного киселя. Удар, который должен был обрушиться на голову Стража, ушёл в пустоту, и Даниил по инерции пролетел мимо, споткнувшись о ножку массивного дубового стола. Он рухнул на пол, больно ударившись плечом, и бронзовая сова выпала из руки, с глухим стуком откатившись в угол.

— Свеча даёт нам силу вблизи неё! — прошипел Страж, наступая. Его голос перестал быть бесстрастным — теперь в нём звучало что-то похожее на жадность, на предвкушение. — Ты не понимаешь, с чем связался, смертный. Печать питается тобой, но она питает и нас. Чем ближе ты к ней, тем слабее ты для нас. Ты привязал себя к ней, и теперь ты — часть её. А значит, часть нашей силы.

Он шагнул к Даниилу, протягивая свою длинную, серую руку. Пальцы с неестественно длинными суставами потянулись к его горлу, и Даниил увидел, что под ногтями у Стража нет грязи — только та же полупрозрачная, стеклянная плоть.

Вероника не растерялась. Она выскочила из-за стеллажа, где пряталась всё это время, и швырнула в лицо Стражу горсть какой-то мутной, густой жидкости из маленького стеклянного флакона, который она, видимо, всё это время сжимала в кармане. Жидкость попала точно в цель — на лицо, на шею, на протянутую руку. И в тот же миг кожа Стража зашипела, запузырилась, как от сильной кислоты. От места попадания повалил белёсый дым, и в воздухе разнёсся запах — резкий, химический, с примесью чего-то, похожего на жжёный сахар.

Страж взревел. Это был не человеческий крик боли — скорее низкий, утробный звук, какой могло бы издать раненое животное, если бы это животное состояло из льда и пустоты. Он отдёргнул руку, отшатнулся, прижимая ладони к лицу, и на секунду потерял ориентацию в пространстве.

— Беги! — крикнула Вероника, хватая Даниила за рукав куртки. Её пальцы были сухими и неожиданно сильными. — Сюда, через чёрный ход! Живо!

Даниил не стал спорить. Он подхватил с пола шкатулку, которую успел выронить при падении, и бросился за Вероникой в подсобку. Они перепрыгивали через опрокинутые коробки, через сломанные стулья, через груды старых книг, рассыпанных по полу. В подсобке было темно — единственное окно выходило в глухую кирпичную стену соседнего здания, — но Вероника ориентировалась здесь с закрытыми глазами. Она метнулась к задней двери, одним ударом ноги выбила щеколду и распахнула дверь в тесный, грязный переулок.

Сзади раздался тяжёлый топот. Страж пришёл в себя быстрее, чем можно было надеяться. Он двигался за ними, и его шаги звучали иначе, чем шаги обычного человека — не глухой стук подошв о половицы, а какой-то скребущий, царапающий звук, словно по полу волокли что-то тяжёлое и острое.

— Машина у меня за углом! — выдохнула Вероника, пихая Даниила вперёд. — За домом, у пожарного гидранта! Беги, не оглядывайся!

Они вылетели из переулочка на центральную улицу. Ночной город встретил их мокрым асфальтом, жёлтыми пятнами фонарей и полным отсутствием прохожих. У пожарного гидранта, припаркованная вплотную к стене, стояла старая, потрёпанная машина — «Фольксваген Гольф» неопределённого цвета, с помятым задним крылом и трещиной на лобовом стекле. Вероника нажала кнопку на брелоке, фары мигнули, замки щёлкнули. Даниил рванул заднюю дверцу, бросил шкатулку на сиденье и запрыгнул следом. Вероника уже была за рулём. Двигатель взревел, она ударила по газам, и машина, взвизгнув шинами по мокрому асфальту, рванула вперёд, в темноту пустынной улицы.

Даниил обернулся. Сквозь заднее стекло он видел, как чёрный силуэт Стража вышел из переулочка и остановился на краю тротуара. Он не бежал за машиной. Не пытался её преследовать. Он просто стоял — высокая, неестественно худая фигура в плаще, — и смотрел им вслед. Его стеклянные глаза, казалось, прожигали заднее стекло автомобиля, и даже когда машина отъехала на приличное расстояние, Даниил всё ещё чувствовал на себе этот взгляд — холодный, пустой, нечеловеческий.

— Он не преследует, — прошептал Даниил, глядя в зеркало заднего вида. Силуэт Стража становился всё меньше и меньше, пока не растворился в ночной дымке.

— Потому что им не нужно нас преследовать, — мрачно ответила Вероника, выкручивая руль и уходя в лабиринт старых дворов. Она гнала машину на пределе возможностей старого двигателя, не включая дальний свет, ориентируясь только по памяти и редким уличным фонарям. — Они знают, где мы живём. Вернее, теперь они знают, где живу я. Они видели мою лавку, они видели моё лицо. И они знают, что свеча у нас. Это не погоня, Даниил. Погоня —

это когда ты можешь оторваться. Это начало осады. Они будут ждать. Они окружают нас. И рано или поздно нам придётся выйти к ним.

Они отъехали на приличное расстояние от центра, петляя по окраинным улочкам, пока не добрались до частного сектора — района старых, давно не отремонтированных домов, где между участками росли дикие яблони и густой кустарник. Вероника свернула к небольшому одноэтажному дому, стоявшему в глубине запущенного сада. Дом выглядел нежилым — окна были закрыты ставнями, крыльцо заросло плющом, а калитка держалась на одной петле и издавала при открывании протяжный, заунывный скрип.

Вероника заглушила двигатель и несколько секунд просто сидела, уронив голову на руль. Плечи её дрожали — не от страха, а от запоздалого выброса адреналина. Потом она глубоко вздохнула, выпрямилась и повернулась к Даниилу.

— Это моя мастерская, — тихо сказала она. В голосе её больше не было ни насмешки, ни резкости — только усталость и какая-то застарелая, глубокая печаль. — Я купила этот дом пятнадцать лет назад, когда ещё работала в университете. Здесь я писала диссертацию. Здесь я проводила свои первые ритуалы — глупые, любительские, но искренние. Вся эта территория набита старыми оберегами: на окнах, на дверях, под порогом, даже на деревьях. Я ставила их сама, и большинство из них всё ещё работают. Пока мы внутри, они не смогут нас найти. По крайней мере, не сразу.

Она открыла дверцу и выбралась из машины. Даниил последовал за ней, держась за голову. Адреналин, который только что давал ему силы, схлынул, и на его место пришла та самая пугающая, высасывающая слабость, которую он уже испытывал в подвале после того, как потушил свечу. Ноги подкашивались, перед глазами плыли тёмные пятна. Он снова посмотрел на свою правую руку — и то, что он увидел, заставило его похолодеть.

Голубая прожилка, которая ещё утром была тонкой ниточкой на кончике пальца, теперь дошла до середины ладони и начала ветвиться. От основного ствола отходили тонкие, как паутинки, отростки, которые тянулись к запястью и дальше, к предплечью. И все они пульсировали — ровно, ритмично, в такт чему-то, что не было его сердцебиением. Даниил чувствовал, как внутри него что-то шевелится — что-то чужое, холодное, не принадлежащее ему. Оно не имело ни формы, ни голоса, но оно было там, и оно росло.

— Мне нужно её погасить, Вероника, — прошептал он, с трудом удерживаясь на ногах. — Я чувствую её. Она тянет меня. Она как... как голод, который идёт не из желудка, а откуда-то изнутри, из самого нутра. Если я ещё раз зажгу её, я просто не смогу остановиться. Я это знаю. Я чувствую это.

Вероника подошла к нему, взяла его за правую руку и поднесла к свету уличного фонаря. Она долго разглядывала голубые прожилки, хмурясь, а потом отпустила и покачала головой.

— Мы отправимся в храм сегодня ночью, — сказала она твёрдо, открывая дверь в дом. — Времени почти нет. У Ордена есть правило — старый устав, который они соблюдают уже несколько веков. Если Печать зажжена, они обязаны вернуть её в течение сорока восьми часов до заката. Это максимальный срок, который даётся на то, чтобы отделить свечу от Возжигателя без необратимых последствий. Если они не успеют — привязка станет постоянной. Свеча перестанет быть отдельным предметом, она станет частью тебя. А ты — частью неё. И тогда...

Она замолчала, подбирая слова.

— Что будет через сутки? — спросил Даниил, заходя за ней в тёмный, заставленный старыми вещами дом.

Вероника обернулась на пороге. Свет уличного фонаря падал на её лицо, делая его бледным и осунувшимся, а храм под левым глазом казался почти чёрным.

— Через сутки ты перестанешь быть Даниилом. Ты даже не заметишь этого. Твои воспоминания — всё, что ты знал, всё, что ты любил, всё, что делало тебя тобой, — исчезнут. Сначала уйдут мелочи, потом — лица, потом — имена, потом — твоё собственное имя. А когда

от тебя не останется ничего, ты станешь просто сосудом. Пустой оболочкой. И тогда все три монеты упадут со шнура, потому что их больше никому будет держать. И Холод вырвется. Не сразу — он будет растекаться, как газ, как морозный туман. Но за несколько часов он накроет весь город. Всё живое замёрзнет — не умрёт, а именно замёрзнет, превратится в статуи из льда, замороженные в момент их последнего движения. Люди на улицах, водители в машинах, дети в кроватях. А потом Холод пойдёт дальше. И никто не сможет его остановить, потому что печати больше не будет.

Даниил закрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыло лицо Алисы — её живой смех, её рыжие волосы, её голос: «Я верю, что ты сможешь удержать её». Он сжал шкатулку обеими руками так, что костяшки побелели.

— Тогда, — сказал он, открывая глаза и глядя на Веронику, — мы не ждём ночи. Мы едем сейчас. У тебя есть карта этого храма?

— Есть. — Вероника кивнула на старый, разохшийся комод, стоящий в углу прихожей. — Но выезжать сейчас — это самоубийство, Даниил. Орден выставил патрули. Тот Страж, которого ты видел, — он не один. Их несколько, и они связаны друг с другом через Печать. Они чувствуют её, как акулы чувствуют кровь в воде. Если мы поедем сейчас, нас перехватят по дороге. Нам нужен план.

Она прошла вглубь дома, в комнату, которая когда-то служила ей кабинетом. Даниил последовал за ней. Комната была заставлена книжными шкафами, картами на стенах и какими-то приборами, назначения которых он не знал. Вероника подошла к массивному дубовому столу и разложила на нём пожелтевшую, выцветшую карту города. Карта была старой — судя по обозначениям, ещё советских времён, с пометками, сделанными от руки красными и чёрными чернилами.

— Вот он, — Вероника ткнула пальцем в участок на окраине, обведённый красным кругом. — Монастырь Святого Успения. Построен в конце восемнадцатого века на деньги какого-то купца, который, по легенде, сам состоял в Ордене, пока не разочаровался в их методах и не решил создать противовес. Монастырь сгорел в пятьдесят третьем году прошлого века. Официальная версия — неисправная электропроводка. Неофициальная — поджог, устроенный Орденом, чтобы скрыть то, что находилось в подземной крипте.

— И что там находилось? — спросил Даниил, склоняясь над картой.

— Алтарь. — Вероника обвела пальцем маленький крестик в центре красного круга. — Ритуальный камень, вделанный в пол крипты. Он был создан одновременно со свечой, как её зеркальное отражение. Если вставить свечу в специальный паз на этом алтаре, пламя погаснет само собой. Не нужно будет ничего взламывать, ничего срывать. Печать замкнётся, души внутри освободятся — уйдут туда, куда им положено уйти, — а Холод останется запёртым навсегда.

Она выпрямилась и посмотрела на Даниила.

— Но чтобы добраться до алтаря, нам нужно пройти через систему старых туннелей. Они были прорыты под монастырём ещё в девятнадцатом веке — монахи использовали их для каких-то своих нужд, а потом Орден расширил их и приспособил для охраны Гнезда. Вход в туннели находится под руинами главного здания монастыря. Мы можем попасть туда через старую дренажную систему, но...

— Но? — перебил её Даниил.

— Но там нас будут ждать. — Вероника устало потёрла переносицу, сдвинув очки на лоб. — Орден знает, что мы попытаемся попасть в Гнездо. Это единственный способ безопасно погасить свечу, и они прекрасно осведомлены об этом. У них там охрана. Возможно, не один Страж, а несколько. И у них есть время подготовиться. Мы идём в ловушку, Даниил.

Даниил взял карту в руки, изучая линии туннелей, нанесённые бледными чернилами. Голубая прожилка на его руке пульсировала, и он чувствовал, как свеча в шкатулке отзывается на его прикосновение — словно живое существо, которое проснулось и требует еды.

— Значит, нам нужен план проникновения, — сказал он, поднимая взгляд на Веронику. — Расскажи мне всё об этих туннелях. Всё, что знаешь. И о том, как бороться со Стражами. Чем их можно убить?

Вероника вздохнула, достала из ящика стола потёртый кожаный блокнот и начала быстро рисовать схему.

— Убить их нельзя, — сказала она, не отрываясь от рисунка. — В обычном смысле — нельзя. Они не живые, Даниил. Они — оболочки, заполненные Холодом. Когда человек слишком долго служит Ордену, он отдаёт себя Печати — не так, как ты, не через зажжение, а через ритуал постепенного замещения. Его кровь становится холоднее, его сердце бьётся всё медленнее, его воспоминания стираются одно за другим. В конце концов от человека остаётся только тело — пустое, лишённое души. И это тело становится сосудом для маленькой части Холода. Стражем.

Она перевернула страницу блокнота и продолжила:

— Они не чувствуют боли, не чувствуют страха, не чувствуют усталости. Но у них есть одна слабость. Они боятся огня. Не обычного — им нужен свет с высокой концентрацией тепла, такой, который разрушает их ледяную оболочку. В упрощённом смысле — их можно временно ослепить и обездвижить мощной тепловой вспышкой. У меня есть старая армейская термитная пашка, ещё с восьмидесятых годов, я храню её на самый крайний случай. Она горит при температуре около двух с половиной тысяч градусов и даёт очень яркую вспышку. Но она только одна, и она даст нам всего несколько секунд форы.

— Несколько секунд — это больше, чем ничего, — кивнул Даниил. — Что ещё? Ты говорила, что я могу научиться чувствовать их. Через эту штуку на руке.

Вероника посмотрела на его руку, на голубые прожилки, которые уже подобрались к запястью.

— Да. Ты — Возжигатель. Ты зажжёг Печать, и она привязалась к тебе. Это значит, что у тебя есть связь с Холодом — такая же, как у Стражей, только неполная. Ты можешь чувствовать их. Они для тебя — как пятна холода на тепловом фоне. Если ты научишься фокусироваться на этом ощущении, ты сможешь определять, где они находятся, до того, как они увидят тебя. Это наша единственная надежда обойти их патрули в туннелях.

Даниил поднёс руку к глазам. Голубая паутина пульсировала ровным, чуждым ритмом, но если сосредоточиться на этом ощущении, то за пульсацией угадывалось что-то ещё — слабое эхо, отголосок, идущий откуда-то извне. Как будто в радиоприёмнике, настроенном на пустую частоту, вдруг прорезался далёкий, едва различимый сигнал.

— Я чувствую что-то, — сказал он медленно. — Очень слабое. Как будто... холодные точки где-то там. — Он махнул рукой в сторону окна. — Но я не могу определить расстояние. И количество.

— Научишься, — пообещала Вероника. — По мере того, как привязка будет становиться сильнее, твоя чувствительность будет расти. Проблема в том, что одновременно с этим ты будешь терять себя. Чем лучше ты чувствуешь их, тем меньше ты чувствуешь себя. Это замкнутый круг, Даниил. И единственный способ разорвать его — погасить свечу до того, как привязка станет необратимой.

Даниил посмотрел на карту, на схемы туннелей, на старый фонарь, лежащий на комод. Потом подошёл к комоду, взял фонарь, проверил — тот не работал. Вероника молча протянула ему запасные батарейки из ящика стола. Он вставил их, щёлкнул выключателем, и яркий луч прорезал полумрак комнаты.

— Тогда не будем терять время, — сказал он, накидывая куртку и убирая шкатулку во внутренний карман. — Веди меня к туннелям. Я готов войти в холод.

Вероника заперла дом, сунула в карман тяжёлую, завёрнутую в промасленную ткань термитную шашку и поправила очки.

— Помни, Даниил, — сказала она, выходя на крыльцо и глядя на ночное небо, затянутое тяжёлыми, низкими тучами. Ветер трепал её седые пряди, и в свете одинокого фонаря она казалась старше своих лет — уставшая женщина, которая слишком много знает и слишком мало может изменить. — Никто не уходит из храма Святого Успения без жертвы. Так было всегда. Так написано в хрониках. Так говорили те немногие, кто пытался пройти этот путь до тебя. Вопрос не в том, заплатим ли мы цену. Вопрос только в том, какую именно.

Даниил ничего не ответил. Он просто открыл дверцу машины, сел на пассажирское сиденье и пристегнулся. Шкатулка лежала у него на коленях, и он чувствовал её тяжесть — не физическую, а какую-то иную, словно внутри чёрного воска, внутри рун и медного шнура, что-то медленно просыпалось и прислушивалось к ним.

Вероника села за руль, завела двигатель, и машина, не включая фар, бесшумно двинулась в сторону старого, заброшенного района, где среди руин и пустырей прятался вход в подземные туннели.

Позади них, в темноте переулков, зашуршали шаги. Кто-то шёл следом — не быстро, не пытаясь догнать, а просто держа дистанцию. И холодные, стеклянные глаза следили за удаляющимися огнями автомобиля, пока те не растворились в ночной дымке.

Глава 6. Вход в безмолвие

Машина остановилась в сотне метров от руин, и двигатель затих, словно и он боялся нарушить тишину, царящую над старым районом. Вероника заглушила фары, и ночь обступила их со всех сторон — тяжёлая, беззвёздная, безлунная, будто само небо отвернулось от этого места и не желало посылать сюда даже слабый свет далёких созвездий. Только тучи висели низко, набрякшие, серые, подсвеченные далёким заревом города, который остался где-то позади, в другой реальности.

Даниил выбрался из машины. Холодный сентябрьский ветер ударил в лицо, но он почти не почувствовал его. После ледяного дыхания свечи любой другой холод казался бледным подобием, жалкой имитацией. Настоящий холод был внутри — в правой руке, которая пульсировала синими прожилками, поднимавшимися уже почти до локтя, в груди, где что-то чужое медленно и методично обживало пространство, принадлежавшее раньше только ему.

Вероника вышла следом, бесшумно закрыла дверцу и подошла к нему. В руке она держала небольшой светодиодный фонарь, но пока не включала его.

— Дальше пешком, — прошептала она, и её шёпот был почти неразличим на фоне ветра. — За мной. И старайся не шуметь. Здесь, наверху, патрулей нет, но чем ближе к входу, тем тоньше грань. Они чувствуют вибрацию. Шаги, голос, даже громкое дыхание может их привлечь.

Даниил последовал за ней сквозь заросли высокой, сухой травы, которая доставала до пояса и издавала резкий, шуршащий звук при каждом движении. Трава пахла пылью, осенью и чем-то химическим, возможно, остатками старых промышленных отходов, которые десятилетиями оседали в этом районе. Впереди, в темноте, угадывались руины — неровные очертания обрушенных стен, поросших плющом и диким виноградом, остатки колокольни, которая, казалось, чудом держалась вертикально, и груды битого кирпича, рассыпанные по земле, как кости гигантского мёртвого зверя.

Они прошли мимо покосившегося креста, всё ещё стоявшего над входом в бывшую часовню, и Вероника свернула в сторону, к тому, что когда-то было внутренним двором монастыря. Здесь, у дальней стены, наполовину скрытое землёй и мусором, лежало массивное бетонное кольцо — старый люк водоканала, проржавевший, покрытый зелёным мхом и разво-

дами ржавчины. Вокруг него кучковались куски арматуры и обломки какого-то разрушенного сарая.

— Вход в туннели здесь, — сказала Вероника, доставая из кармана небольшую железную монтировку с загнутым концом. — Монахи проложили эти ходы ещё в девятнадцатом веке, чтобы соединить монастырь с рекой и городскими подвалами. Во время войны здесь было бомбоубежище. А потом пришёл Орден и расширил туннели, приспособил их под свои нужды. Это единственный путь к Гнезду, если не идти через главные ворота, которые, разумеется, охраняются.

Она вставила монтировку в щель между люком и бетонным основанием, навалилась всем телом. Металл жалобно скрипнул, сопротивляясь, но поддался. Вероника сдвинула крышку ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель мог протиснуться человек. Из люка пахло сыростью, холодом и чем-то сладковатым, похожим на запах тления, — так пахнут старые склепы и заброшенные колодцы.

Вероника посмотрела на Даниила.

— Сколько их там? — спросила она, кивая в сторону люка. — Ты можешь почувствовать?

Даниил закрыл глаза. Он ещё не до конца понимал, как это работает, но интуитивно уже научился нащупывать тот новый канал восприятия, который открылся в нём после зажигания свечи. Это было похоже не на зрение и не на слух — скорее на какое-то глубинное ощущение температуры и плотности, на термометр, который измеряет не тепло, а отсутствие тепла. Он поднял правую руку, сжал ладонь в кулак, заставляя голубую вену пульсировать сильнее, и сфокусировался.

Сначала ничего не было. Только темнота, только холод. Но потом, постепенно, он начал различать сгустки — плотные, ледяные пятна, которые двигались где-то внизу. Они были неживыми, но не мёртвыми. Они перемещались медленно, с какой-то механической, неестественной плавностью, и от каждого из них исходила волна холода, которая отдавалась в его вене короткими, болезненными импульсами.

— Трое, — выдохнул он наконец, открывая глаза. Голос прозвучал хрипло, и ему пришлось откашляться. — Трое на глубине примерно двадцати метров. Разошлись по коридорам. Один дальше всех, в восточном крыле. Второй ближе, в центральном зале. А третий... — он на секунду замолчал, вглядываясь в темноту люка, словно мог увидеть то, что чувствовал, — третий стоит прямо у основания лестницы. Ждёт нас.

Вероника удивлённо вскинула бровь, но ничего не сказала. Она лишь кивнула каким-то своим мыслям и достала из внутреннего кармана куртки предмет, завернутый в грубую, промасленную ткань. Даниил не сразу понял, что это, но когда Вероника развернула ткань, его глаза расширились. Термитная шашка — старая, армейская, с выцветшей маркировкой на корпусе. Рядом с ней лежал маленький стальной стержень-запал.

— Это всё, что у меня есть, — сказала Вероника, взвешивая шашку на ладони. — Одна штука. Горит при двух с половиной тысячах градусов, даёт яркую вспышку и облако раскалённого газа. Для Стражей это — как удар молнии. Не убьёт, но ослепит и обездвижит на несколько секунд. Может быть, на десять. Если повезёт — на пятнадцать.

— Десять секунд, — повторил Даниил, криво усмехнувшись. — Маловато.

— Ты хотел правды, Даниил. — Вероника посмотрела на него в упор, и в её серых глазах не было ни насмешки, ни сочувствия — только холодная решимость. — Так получай её с кровью.

Она зажгла туристическую спичку, и крошечный огонёк заплясал на кончике деревянной палочки, отражаясь в её очках. Потом посмотрела на Даниила и коротко, по-военному изложила план:

— Ты спускаешься первым. Твоя привязка к свече даст тебе преимущество на ближней дистанции — ты будешь быстрее их чувствовать, чем я смогу их увидеть. Когда окажешься

внизу, не атакуй, не провоцируй. Просто займи позицию и жди. Как только я дам сигнал — я крикну или свистну, — ты прыгаешь в сторону, в любую нишу или за угол, и прикрываешь глаза. Я кидаю шашку. После вспышки у нас будет несколько секунд, чтобы проскочить мимо него в левый коридор. Если повезёт — проскочим. Если нет...

Она не договорила. Даниил и сам понимал, что будет, если нет.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как сердце колотится где-то у горла, и поставил ногу на первую ржавую перекладину лестницы. Металл скрипнул под его весом — звук показался оглушительным в ночной тишине. Даниил замер на секунду, прислушиваясь, нет ли реакции из темноты, но внизу было тихо. Тогда он начал спуск.

Лестница уходила вниз почти вертикально. Ступени были узкими, скользкими от ржавчины и какой-то влаги, и Даниилу приходилось крепко держаться за поручни, чтобы не сорваться. С каждым шагом температура вокруг падала всё заметнее. Сначала было просто прохладно, как в погребе. Через пять метров он почувствовал, как холод начинает забираться под куртку, пробираясь до костей. Ещё через пять метров его дыхание стало превращаться в пар — белые облачка вырывались изо рта и тут же таяли в темноте. А ещё через десять метров он ощутил тот самый холод, который не спутаешь ни с чем, — холод свечи, холод Холода. Голубая вена на его руке запульсировала чаще, сильнее, словно разогреваясь от близости к источнику.

Где-то на середине спуска он остановился и снова закрыл глаза, проверяя расположение Стражей. Тот, что стоял у подножия лестницы, не двигался. Он был прямо под ним, в каких-то пяти метрах, и Даниил чувствовал его так отчётливо, словно смотрел на тепловизор. Холодное, плотное пятно, окружённое аурой ледяного воздуха. Остальные двое были дальше, в боковых коридорах, и пока не приближались.

— Я почти внизу, — прошептал он Веронике, которая осталась наверху, у люка. — Он ждёт.

— Я готова, — донеслось сверху.

Даниил сделал последние шаги и спрыгнул на бетонный пол. Ноги ушли в какую-то жижу — смесь воды, грязи и, кажется, мазута. Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Он включил фонарь, и луч выхватил из темноты кирпичные стены туннеля, покрытые странными, древними рисунками. Это были не просто граффити — это были фрески, хоть и сильно повреждённые временем и сыростью. Те же змеи, кусающие свой хвост, что и на ключе, на шкатулке, на свече. Силуэты людей, стоящих на коленях перед огромным языком пламени. Какие-то надписи на латыни и старославянском, которые Даниил не успевал разобрать.

И тут он увидел его.

Страж стоял всего в трёх метрах от подножия лестницы. На этот раз капюшон был откинут, и Даниил впервые увидел его лицо полностью. Это было лицо, которое когда-то, возможно, было человеческим. Теперь от человеческого в нём остались только очертания — нос, скулы, линия подбородка. Но кожа была восковой, серой, словно у трупа, пролежавшего в холодной воде несколько недель. Губы истончились до ниточек. А глаза — глаза были самым страшным. Ни зрачков, ни радужки, только ровный, белёсый свет, который исходил из глубины глазниц, как свет из двух маленьких окон в пустоту.

На щеках Стража проступали синие прожилки — точно такие же, как у Даниила, только гуще, толще, они покрывали всё лицо сеткой, уходя под воротник плаща. Словно они были одной породы, но этот человек — или то, что от него осталось, — перешёл черту, за которой Даниил ещё балансировал. Он давно потерял всё человеческое и стал просто сосудом.

— Мы знали, что ты придёшь, — прошелестел Страж. Его голос был тихим и сухим, как шелест осенних листьев, и в нём не было ни угрозы, ни злобы — только констатация факта. — Ты уже почти один из нас. Ты чувствуешь это? Холод в твоих венах. Он сладкий, правда? Он обещает покой. Он обещает конец боли. Отдай Печать добровольно, и мы остановим процесс. Ты сохранишь остатки рассудка. Ты сможешь уйти. Жить. Дышать. Забыть.

— Мне нужен не рассудок, — ответил Даниил, и его голос прозвучал твёрже, чем он сам ожидал. Он шагнул вперёд, сжимая шкатулку в одной руке и фонарь в другой. Голубая вена пульсировала всё сильнее, и он чувствовал, как внутри него поднимается волна ярости — не горячей, а холодной, той самой, что шла от свечи. — Мне нужен алтарь. Мне нужно закончить то, что начала Алиса.

Страж не ответил. Его лицо не изменилось — оно, кажется, вообще не могло меняться. Но Даниил заметил, как его пальцы, сжимавшие чётки, чуть шевельнулись, и монеты на них тихо звякнули. А потом Страж исчез. Он не убежал, не отступил — он просто растворился в темноте, словно его и не было. Свет фонаря прошёл сквозь то место, где он только что стоял, и не выхватил ничего, кроме мокрой кирпичной стены.

Даниил резко обернулся, водя фонарём по сторонам. Вена на руке взывала, как сирена, посылая в мозг импульс опасности. Слева. Двое. Они приближались с двух сторон одновременно, зажимая его в клещи.

— Вероника! — крикнул он, не оборачиваясь. — Сейчас!

В следующий миг он отпрыгнул вправо, в небольшую нишу, которая оказалась входом в боковой технический коридор. Прижался спиной к холодной стене, зажмурился и прикрыл лицо руками.

Сверху, из люка, полетела термитная шашка. Она ударилась о бетонный пол с глухим металлическим стуком и покатила куда-то в центр помещения. Даниил услышал, как Вероника с силой дёрнула за шнур запала, и в тот же миг пространство вокруг взорвалось светом.

Это была не просто вспышка. Это был маленький ад, упакованный в жестяную банку. Ослепительно-белый, почти ультрафиолетовый свет залил всё — каждый угол, каждую трещину в кирпичной кладке, каждую каплю влаги на стенах. Он был таким ярким, что даже сквозь закрытые веки и прижатые ладони Даниил видел кроваво-красное свечение собственных капилляров. Воздух мгновенно нагрелся — не до комнатной температуры, а до обжигающего жара, который волной прокатился по туннелю, высушивая вековую сырость, заставляя плесень на стенах съезживаться и умирать.

И в этом аду раздался крик.

Нет, не крик. Визг. Ультразвуковой, режущий слух, проникающий прямо в мозг, минуя барабанные перепонки. Даниил никогда не слышал, чтобы живое существо издавало такие звуки. Так мог бы кричать кусок льда, брошенный в раскалённую печь. Стражи были — не от боли, потому что боли они не чувствовали, а от разрушения. Их ледяная оболочка, их вместилище, трескалось и плавилось под натиском нестерпимого жара, и Холод внутри них кричал, теряя свою форму.

— Бегом! — крик Вероники вырвал Даниила из оцепенения. Он открыл глаза — свет уже гас, оставляя после себя оранжевое послесвечение на сетчатке и запах горелого металла и озона. Вероника спрыгнула с лестницы, схватила его за рукав и потащила влево, в тот самый коридор, который они наметили заранее.

Они побежали. Даниил спотыкался на каждом шагу — ноги заплетались, слабость сковывала мышцы, и каждый вдох давался с трудом. Но Вероника не отпускала его, она тащила его за собой с неожиданной для её комплекции силой, перепрыгивая через обломки кирпича, обрывки каких-то тросов и ржавые трубы, выступавшие из стен.

Шаги за их спинами стихли. Термитная шашка сделала своё дело — Стражи были ослеплены и дезориентированы. Но Даниил знал, что это ненадолго. Его вена продолжала пульсировать, и по характеру этой пульсации он чувствовал, что преследователи приходят в себя. Медленно, но верно. У них было не больше минуты, прежде чем погоня возобновится.

Они свернули в узкий коридор, который резко уходил вниз. Здесь воздух стал суше — вся влага осталась позади. На стенах больше не было плесени, вместо неё кирпич покрывала странная блестящая субстанция, чёрная и глянцевая, похожая на застывший воск или смолу.

Она тускло поблёскивала в свете фонаря, и от неё исходил знакомый запах — смесь сандала, металла и чего-то ещё, чего-то, что Даниил чувствовал, когда открывал шкатулку.

— Алтарь близко, — выдохнула Вероника, указывая вперёд.

Коридор заканчивался массивными железными воротами. Они были старыми, покрытыми патиной, но всё ещё крепкими. На их поверхности, выкованные из металла, красовались всё те же руны — те самые, что светились на свече. А в центре, там, где обычно бывает замочная скважина, была круглая выемка. Даниил сразу понял, что туда должен войти ключ.

Он достал из кармана латунный уроборос — ключ Алисы, ключ, который прошёл с ним весь этот путь от морга до подземелья. Рука дрожала, и ему пришлось несколько раз попытаться, прежде чем он попал в скважину. Но когда ключ вошёл, замок отозвался мгновенно — глубоким, утробным щелчком, который прокатился по всему коридору.

Ворота медленно, со скрежетом приоткрылись.

За ними была круглая каменная комната, похожая на внутренность колодца или крипту старого собора. Стены здесь были не кирпичными, а сложенными из массивных каменных блоков, грубо отёсанных, но подогнанных друг к другу с ювелирной точностью. На этих блоках тоже были руны — тысячи рун, вырезанных в камне и заполненных какой-то синеватой субстанцией, которая слабо светилась в темноте. Куполообразный потолок терялся в высоте, и свет фонаря не доставал до него. А в центре комнаты, на невысоком каменном постаменте, возвышался алтарь.

Он был древним. Не просто старым — древним в том смысле, который заставляет мурашки бежать по коже. Грубо вытесанный из цельного куска тёмного, почти чёрного камня, он напоминал жертвенник, который мог бы стоять в каком-нибудь доисторическом святилище. На его поверхности была выемка — идеально повторяющая форму чёрной свечи. Стоило Даниилу взглянуть на неё, как он понял: свеча и алтарь были созданы вместе, как единое целое, как ключ и замок.

Он подошёл к алтарю, шатаясь. Каждый шаг давался с огромным трудом — мышцы одеревенели, голова кружилась, и перед глазами плавали синие пятна. Вероника шла рядом, готовая подхватить его, если он начнёт падать. Даниил открыл шкатулку, достал свечу и уже протянул руку, чтобы вставить её в паз, когда алтарь вдруг слабо засветился.

Синие руны на его поверхности начали проступать — те же самые, что горели на свече. Они пульсировали в такт прожилкам на руке Даниила, и от этого совпадения у него закружилась голова ещё сильнее.

— Она нагревается, — встревоженно сказала Вероника, отступая на шаг. — Алтарь реагирует на свечу. Он ждал её.

И в этот момент из углов комнаты раздался голос.

Он шёл не от человека — он исходил из динамиков, спрятанных где-то в стенах. Чёткий, спокойный, хорошо поставленный голос пожилого мужчины, привыкшего повелевать. Голос был слегка искажён акустикой каменного мешка, но Даниил сразу понял, кому он принадлежит. Тому, кто стоял за всем этим. Тому, чьё лицо ещё не было ему знакомо, но чьё присутствие он ощущал с того самого момента, как впервые услышал название «Орден Печати».

— Ты нашёл алтарь, Даниил. Поздравляю.

Пауза. Даниил застыл, прижимая свечу к груди и пытаясь определить источник звука.

— Должен признать, ты прошёл дальше, чем я ожидал. Дальше, чем большинство Возжигателей до тебя. Обычно они ломаются на первом же часе после зажигания. Ты держишься уже несколько часов, и это достойно уважения.

Голос звучал ровно, почти доброжелательно, но в этой доброжелательности было что-то невыносимо холодное, что-то, от чего волосы на затылке Даниила вставали дыбом.

— Но ты, должно быть, уже понял, — продолжил голос, — что просто вставить свечу в алтарь недостаточно. Заклинание снятия печати — а это именно заклинание, а не просто

механическое действие, — работает только в том случае, если свеча в данный момент горит. Чтобы погасить Холод навсегда, ты должен зажечь её. Прямо здесь. На алтаре. И поддерживать огонь ровно семь минут, пока камень не впитает её энергию.

Даниил посмотрел на свою руку. Голубая вена теперь почти полностью покрыла его ладонь, разветвляясь и поднимаясь по предплечью к локтю. Семь минут. Семь минут — это бесконечно много для человека, который уже на грани.

— Ты хочешь, чтобы я сжёг себя заживо на этом камне? — спросил он вслух, обращаясь к невидимому собеседнику.

— Если ты не сделаешь этого, — ответил голос, и в нём прорезалась сталь, — Холод вырвется, когда ты попытаешься вытащить свечу из алтаря. Ты привязан к ней, Даниил. Ты сам выбрал этот путь в тот момент, когда зажжёшь её в первый раз. Я не принуждаю тебя. Я просто сообщаю факты. Ты можешь уйти. Прямо сейчас. Но тогда свеча останется здесь, и Орден заберёт её. И тогда уже мы решим, что с ней делать. А ты будешь жить — с веной, с пустотой, с утраченными воспоминаниями. Но жить. Или ты можешь закончить то, что начал. Выбор за тобой.

Голос стих. Наступила тишина — глубокая, подземная, нарушаемая только тяжёлым дыханием Даниила.

Вероника подбежала к нему и схватила за плечи. Её пальцы впились в куртку, она заставила его посмотреть ей в глаза.

— Он прав, Даниил! — в её голосе звенела паника, смешанная с отчаянием. — Алтарь — это единственный способ разорвать связь. Я читала об этом в старых текстах. Если ты поставишь свечу в выемку и зажжёшь её, семь минут — и ты снова станешь человеком. Вена исчезнет. Холод останется запертым. Но ты должен выдержать. Семь минут, Даниил. Не шесть, не пять. Семь. Если ты сорвёшься, если не выдержишь — Холод поглотит тебя целиком. Ты станешь таким же, как они. Ты понимаешь?

Даниил понимал. Он понимал слишком хорошо. Семь минут в объятиях Холода — того самого Холода, который уже сейчас, даже без горения свечи, высасывал из него силы и воспоминания. Он попытался вспомнить лицо Алисы — и смог, но с трудом. Детали размывались, как фотография, оставленная под дождём. Её голос он ещё слышал в памяти, но уже не мог точно сказать, как она смеялась. Только общее ощущение — тёплое, светлое, любимое, — пока держалось, но и оно истончалось с каждой минутой.

Он посмотрел на чёрную свечу в своих дрожащих руках. На её руны, которые сейчас были тёмными и молчаливыми. На медный шнур с тремя монетами. На фитиль, который прятался внутри чёрного воска. И вспомнил строчки из записки Алисы: «Ты сильный, Даня. Ты справишься».

А потом он вспомнил другое. Вероника. Её мужа. Она ведь сказала, что он сгорел заживо из-за такой же свечи. Она пыталась вернуть его и потеряла в огне. И теперь она была здесь, с ним, готовая остаться до конца.

Даниил медленно, с диким усилием над собой, вставил свечу в каменный паз алтаря. Она вошла идеально, как ключ в замок. Фитиль замерцал сам по себе, словно предчувствуя то, что должно было произойти.

Он протянул правую руку, сжал кулак и вытащил из кармана зажигалку.

— Семь минут, — прошептал он Веронике. Его голос был тихим, но странно спокойным. — Если я не сдвинусь с места, если не смогу говорить, если что-то пойдёт не так — ты беги к выходу. Не жди меня. Не пытайся спасти. Просто беги и не дай им схватить тебя.

— Нет, — жёстко отрезала Вероника. Она выпрямилась, поправила очки и посмотрела на него с выражением, которое он не мог до конца понять. — Я останусь.

— Зачем? — Даниил уставился на неё, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы — не от слабости, а от чего-то, чему он не мог подобрать названия. — Ты умрёшь здесь вместе со мной. Ты сделала достаточно. Ты помогла мне дойти сюда. Ты не обязана...

— Замолчи, — перебила она. Её голос дрогнул, но она справилась с собой. — Я уже смотрела, как мой муж сгорает заживо из-за такой же свечи. Я стояла и ничего не могла сделать. Я была трусихой тогда. Я боялась. Я не вошла в круг. Я позволила ему умереть одному.

Она сжала плечо Даниила, и он почувствовал, как её пальцы дрожат.

— Я не оставлю тебя одного. Не в этот раз. Давай. Жги.

Даниил посмотрел на неё. Потом на свечу. Потом на свою руку, покрытую голубой паутиной. Где-то в глубине души он знал, что семь минут ада — это не самая страшная цена. Самая страшная цена была уже заплачена. Алисой. Мужем Вероники. Теми, чьи души были заперты в монетах. Теперь настала его очередь.

Он щёлкнул зажигалкой.

Синее пламя вспыхнуло мгновенно — яркое, холодное, пронзительное. Оно озарило каменную комнату ледяным светом, и руны на свече загорелись так ярко, что на миг ослепили обоих. Вена на руке Даниила взорвалась синевой и стремительно поползла вверх по предплечью, достигая локтя, плеча, двигаясь к сердцу. Боль была не физической — физической боли он почти не чувствовал, — а какой-то другой, глубинной, как будто из него медленно и мучительно вырывали кусок души.

Воздух вокруг них застыл. Звуки исчезли — ни дыхания, ни сердцебиения, ни шума ветра, только низкий, вибрирующий гул, доносящийся из глубины каменных стен, словно само подземелье запело древнюю, забытую песню. Холод проникал в кости, в мысли, в воспоминания. Даниил почувствовал, как что-то внутри него начинает отслаиваться, уходить, исчезать — какое-то воспоминание, связанное с детством, с матерью, с первым велосипедом. Оно просто перестало существовать, и он даже не заметил, что именно потерял.

Семь минут. Отсчёт начался.

Вероника стояла рядом, держа его за плечо, и он чувствовал тепло её руки — единственное тепло в этом ледяном аду. Он сфокусировал взгляд на свече, на синем пламени, которое танцевало на кончике фитиля, и начал считать. Один. Два. Три. Каждая секунда растягивалась в вечность. На четвёртой секунде он забыл, как звали его первую школьную учительницу. На пятой — как пахли духи Алисы. Это было невыносимо и одновременно странно умиротворяюще — как будто он медленно засыпал, проваливаясь в холодную, тёмную воду.

Но он держался. За счёт чего — он сам не знал. Может быть, за счёт ярости. Может быть, за счёт вины. Может быть, за счёт любви, которая, даже угасая, оставляла после себя тёплый след. Он держался, и свеча горела, и алтарь впитывал её свет, и Холод внутри воска кричал от ярости, не в силах вырваться из своей древней тюрьмы.

Глава 7. Семь минут до вечности

Синее пламя взметнулось вверх, и воздух вокруг алтаря мгновенно стал плотным, вязким, как студень. Даниил ожидал холода — он был готов к холоду, он уже знал его вкус и запах, — но то, что произошло сейчас, превзошло все его ожидания. Это был не просто холод. Это была сама суть отсутствия тепла, абсолютный ноль, сконцентрированный в маленьком танцующем языке пламени. Руны на чёрном воске вспыхнули с такой силой, что Даниилу пришлось зажмуриться, и даже сквозь сомкнутые веки он видел их сияние — пронзительное, циановое, прожигающее сетчатку.

Он почувствовал, как холод проникает в его грудь. Не через кожу, не через дыхание — через саму душу, через ту невидимую нить, которая связывала его со свечой с момента первого зажигания. Лёгкие сжались, каждое ребро обхватила ледяная клетка, и каждый вдох стал маленькой пыткой. Голубая вена на его правой руке, которая до этого остановилась у

локтя, снова ожила. Она поползла вверх, перевалила локтевой сустав и начала оплетать плечо, словно живая, пульсирующая змея, прокладывающая путь к сердцу.

Вероника стояла в двух шагах от него, но не могла приблизиться. От свечи исходила такая мощная ледяная аура, что воздух между ними превратился в невидимую стену. Она протянула руку, пытаясь дотянуться до Даниила, но её пальцы тут же покрылись инеем, а кожа на костяшках побелела от холода. Она отдернула руку и закричала:

— Держись! Даниил, смотри на меня! Не закрывай глаза!

Но Даниил уже не слышал её. Он слышал другое — голоса, образы, видения, которые свеча насильно влиwała в его сознание, как раскалённый свинец. Он видел Алису. Не живую, не ту, которая смеялась и размахивала книгами в их гостиной. Он видел её мёртвой — такой, какой она лежала на столе в морге, с застывшим, безжизненным лицом и синими губами. Он видел её остановившиеся глаза, в которых больше не было ни искры, ни тепла, ни жизни. Он видел её руки, сложенные на груди, и обручальное кольцо на пальце — то самое, которое он подарил ей всего полгода назад.

Видение сменилось. Теперь он видел трассу. Мокрый асфальт, блестящий в свете фар. Машину Алисы, которую заносит на повороте. И ту самую вторую машину — чёрный внедорожник, который стоял на обочине с выключенными огнями. Но лица водителя по-прежнему не было видно — только тень, только силуэт, ускользающий каждый раз, когда Даниил пытался сфокусироваться на нём. Свеча показывала ему момент убийства снова и снова, как заезженную пластинку, и каждый раз обрывала показ на самом важном месте. Она мучила его, дразнила, высасывала его силы и одновременно требовала ещё.

— Я не могу... — прохрипел Даниил, чувствуя, как колени подкашиваются. Пальцы, вцепившиеся в край алтаря, побелели от напряжения. — Она показывает мне... её смерть... снова и снова...

— Не смотри на это! — Вероника снова шагнула вперёд, но ледяная стена отбросила её назад, как удар электрического разряда. Она упала на каменный пол, больно ударившись локтем, но тут же поднялась. — Смотри на меня, Даниил! Слушай мой голос! Это не правда, это свеча играет с тобой! Она питается твоей болью! Не давай ей этого!

Но Даниил уже не видел её. Перед его глазами снова и снова прокручивалась одна и та же сцена: визг тормозов, скрежет металла, удар. Алиса, лежащая на асфальте. Её рыжие волосы, разлетающиеся по мокрой дороге. Её пальцы, которые ещё слабо шевелились, цепляясь за жизнь. А потом — темнота. И тишина. И снова — сначала. Бесконечная петля боли.

И сквозь эту пелену, сквозь видения и холод, он услышал голос. Чёткий, спокойный, доносящийся из динамиков, спрятанных в стенах крипты. Голос Строганова.

— Шесть минут тридцать секунд. Ты отлично справляешься, мальчик. Ещё чуть-чуть, и ты станешь идеальным сосудом.

Это слово пробилось сквозь боль. Сосуд. Даниил услышал его и заставил свой мозг, уже наполовину парализованный холодом, проанализировать услышанное. Сосуд? Разве ритуал должен был освободить его? Разве алтарь должен был погасить свечу и разорвать связь? Почему Строганов говорит о сосуде?

Он попытался что-то сказать, но язык не слушался. Рот открывался, но из горла вырывался только хрип. Вена добралась до шеи, оплетая ключицу, и Даниил чувствовал, как она пульсирует в такт его сердцебиению — или в такт чему-то ещё, чему-то, что медленно просыпалось внутри него.

Вероника услышала слова Строганова и вскочила на ноги. Её лицо, только что искажённое страхом за Даниила, теперь превратилось в маску ярости. Она развернулась к тёмному углу комнаты, где, скорее всего, была спрятана камера, и закричала:

— Что ты сказал?! Какой сосуд?!

Из динамиков раздался смех — сухой, короткий, совершенно лишённый веселья.

— Вы не догадались? — голос Строганова звучал почти обиженно, словно он ожидал от них большей проницательности. — Алтарь не гасит свечу, дорогая Вероника. Он завершает привязку. Ты же сама изучала эти тексты, ты держала их в руках, ты переводила их для Алисы. Неужели ты не поняла? «Холодный свет ушедших» должен найти носителя, который добровольно примет его в себя. Это ключевое условие. Добровольно. Никакой ритуал не сработает, если Возжигателя принуждают. Он должен сам зажечь свечу на алтаре, сам пройти через семь минут горения, сам отдать себя Холоду. И твой друг, Вероника, сделал это идеально. Он пришёл сюда сам. Он зажжёт свечу сам. Он держится уже почти семь минут. К концу седьмой минуты Холод станет частью его плоти. И тогда я получу не просто жертву — я получу врата.

Вероника побледнела. Даже в тусклом синем свете свечи было видно, как кровь отхлынула от её лица, оставив кожу белой, как мел. Она знала этот ритуал. В самых тёмных, в самых запретных главах старых фолиантов, которые она изучала пятнадцать лет назад, описывалось именно это. Создание врат. Превращение живого человека в портал, через который Холод мог бы выйти в мир, не разрушая печать, а обходя её. Она читала об этом и думала, что это лишь теория, древняя магическая гипотеза, которую никто никогда не пытался проверить на практике. И теперь она стояла и смотрела, как эта гипотеза воплощается в жизнь на глазах.

— Даниил! — закричала она, бросаясь к ледяной стене. Она била по ней кулаками, не чувствуя боли, не замечая, как кожа на костяшках трескается от холода. — Ты должен остановиться! Строганов обманул нас! Алтарь не спасёт тебя, он убьёт тебя! Ты слышишь меня?! Ты должен разорвать контакт!

Даниил услышал её. Через боль, через видения, через ледяную пелену, которая уже начала окутывать его сознание, он услышал голос Вероники. Он попытался оторвать руки от алтаря. Мышцы напряглись, но тело не слушалось. Казалось, его ладони приросли к камню — не физически, а какой-то магической силой, которая держала его крепче любых цепей. Вена добралась до плеча и теперь подбиралась к горлу, и Даниил чувствовал, как что-то холодное и чужое касается его сердца — пока ещё осторожно, словно пробуя на вкус.

— Я не могу... пошевелиться... — прошептал он, из последних сил поворачивая голову к Веронике. Глаза его — обычно тёмные, глубоко посаженные — сейчас отливали синевой, отражая свет горящей свечи. — Он... приковал меня...

Вокруг алтаря начали сгущаться тени. Из стен, из пола, из самого воздуха поднимались призрачные силуэты — те самые Стражи, которые не могли войти в комнату, пока ритуал не завершён, но ждали снаружи, в тёмных коридорах, терпеливо, как стервятники. Их стеклянные глаза сверкали в полумраке, отражая синее пламя. Чётки с медными монетами тихо позвякивали в такт отсчёту времени. Они стояли кругом, на равном расстоянии друг от друга, и смотрели на Даниила — не с угрозой, не с яростью, а с каким-то жутким, безмолвным ожиданием. Они ждали. Ждали, когда он станет одним из них. Или чем-то большим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.